

ХРОНИКИ АНДАРИИ 2: ПОДГОРНОЕ ЦАРСТВО

АНДРЕЙ КУЦЫЙ

Андрей Куцый

**Хроники Андари 2.
Подгорное царство.**

«Автор»

2026

Куцый А.

Хроники Андари 2. Подгорное царство. / А. Куцый — «Автор»,
2026

Мёртвый город под горой не отпускает своих. Ради права назвать своей принцессу Имли гном Вэндель с дозволения короля спустился в проклятые глубины Подгорного царства — туда, где среди вековой копоти парят личи, а чёрный туман тлена выпивает саму жизнь. Молот Торуна, наследие Первого Короля, снова в его руках. Но пробудить древнюю реликвию в полную силу можно лишь одним путём: вернуть подгорной столице свет и вырвать её из лап некроманта. Андрей и его друзья — те, кого разные миры вырвали из лап смерти и свели под радужным куполом Академии Андари, — идут за Вэнделем квартал за кварталом, очищая Нижний Город от нежити. Впереди — возрождённые тронные залы, признание короля и долгожданная свадьба которая обернётся кровавым венчальным пиром: клан Железной Наковальни во главе с лордом Бромом припас свою измену. Второй роман цикла «Хроники Андари»: подземные города, звенящая сталь, магия Земли, Огня и Пространства и любовь, за которую платят кровью.

© Куцый А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро после бури	6
Глава 2. Пути Наставников	17
Глава 3. Запретные Архивы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Куцкий

Хроники Андари 2. Подгорное царство.

ХРОНИКИ АНДАРИИ

Книга вторая

ПОДГОРНОЕ ЦАРСТВО

Андрей Куцкий

Андрей Куцкий

Подгорное царство

Серия «Хроники Андари». Книга вторая

© 2026 Андрей Куцкий

Все права защищены.

Никакая часть настоящего издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме без письменного разрешения правообладателя.

Книга публикуется в авторской редакции.

Глава 1. Утро после бури

Андрей проснулся от того, что его тело чертовски болело.

Каждая мышца, каждый сустав ныли так сильно, словно накануне по нему не спеша топталось стадо испуганных мамонтов. Попытка просто повернуться на бок отозвалась тупой, тягучей болью в пояснице и плечах. Он тихо застонал, решив остаться в прежнем положении — распластавшись на спине и уставившись в высокий деревянный потолок своей комнаты на втором этаже таверны Теодора.

Сквозь узкие, неплотно прикрытые ставни пробивались косые золотистые лучи утреннего солнца Андари. В их теплом свете лениво кружились пылинки, медленно опускаясь на грубый дощатый пол. Стояла удивительная, почти осязаемая тишина. Купол Академии надежно отсекал любые внешние звуки, создавая ощущение абсолютной безопасности, к которому Андрей все еще не мог привыкнуть.

Он невольно вспомнил свою прошлую жизнь. Там, дома, его утро обычно начиналось с резкого визга будильника, шума проезжающих под окнами машин и серой ледяной жижи под ногами на вечно спешащих улицах. Он закрывал глаза и отчетливо видел свою тесную съемную «однушку» на окраине, обставленную типовой мебелью, вечную толчею на улицах и тусклый свет ламп в душевной конторе. Там он был незаметной песчинкой среди безликой толпы.

Здесь все было иначе. Они выжили. Вчерашний день казался безумным, смазанным кошмаром, который никак не хотел укладываться в голову. Мертвый, покрытый вековой копотью Запретный город гномов, парящие в полумраке личи с горящими глазницами, удушливый черный туман тлена, едва не лишивший их дыхания... И, конечно же, огромный обсидиановый голем — Древний Страж, крушивший все на своем пути массивным корабельным якорем. Андрей до сих пор помнил, как дрожали его колени, когда он пропускал через себя колоссальные потоки энергии, удерживая закрывающийся портал на чистом упрямстве. Но они победили. Они вернулись обратно под купол Академии.

Андрей медленно поднял правую руку перед лицом и сжал пальцы в кулак. Кожа на ладони была сухой и слегка шелушилась от перенапряжения, но под ней пульсировало странное, глубокое тепло.

Обычно, когда он помогал ребятам во время их яростных сражений, его тело лишь пропускало сквозь себя чужую силу. Чужая мана вливалась с одной стороны и без задержек вылетала с другой. Он был безвольным сосудом, сквозь который сила лишь проносилась насквозь, ничего не оставляя ему, кроме опустошения.

Но сейчас все изменилось.

Андрей закрыл глаза, сделал глубокий вдох и попытался прислушаться к внутренним ощущениям. Он сосредоточился на дыхании, уводя сознание вглубь собственного тела. Мана внутри него больше не текла гладким, безликим ручьем. Она словно разделилась на сотни тончайших, вибрирующих струн, похожих на светящуюся паутину. Каждая струна гудела на своей собственной, едва различимой ноте. Стоило ему направить на них внимание, и эти нити начали укладываться в причудливый, строго упорядоченный узор.

С удивлением Андрей обнаружил, что на внутренних стенках его энергетических каналов проступили новые контуры. Это была микроскопическая мерцающая вязь — древние руны Андари, которые словно выросли в его ауру, став частью его собственной плоти.

— Какого черта?.. — прошептал он, приоткрыв глаза и приподнимаясь на локтях.

Он повернул голову и посмотрел на прикроватную тумбочку, где стоял небольшой хрустальный светильник — та самая сфера на медном основании, что светила ему в первую ночь под этим кровом. Обычно, чтобы разбудить её, хватало простого движения: повернёшь маленькое медное колёсико — и латунные створки внутри плавно разойдутся, открыв ровно горящий

кристалл. Никакой магии, чистая механика. Но сейчас Андрею захотелось проверить нечто совсем иное.

Андрей решил попробовать кое-что новое. Он не стал тянуться к тумбочке. Он остался лежать, лишь сфокусировав взгляд на хрустальных гранях. Он мысленно выделил одну из тех теплых, вибрирующих струн, что пульсировали в его предплечье, и осторожно потянул её наружу, направляя к светильнику. Ему казалось, что он пытается продеть невидимую нитку в игольное ушко на расстоянии.

Кристалл на тумбочке слабо мигнул. Андрей затаил дыхание, удерживая фокус. Нить натянулась. Светильник мигнул еще раз, а затем вдруг вспыхнул ровным, нежным янтарным светом.

Андрей замер, боясь сделать даже вдох. Он не прикасался к камню. Между ними не было физического контакта, но он отчетливо чувствовал этот тонкий, невидимый мостик тепла. Что еще более удивительно — он не уловил привычного истощения. Энергия не ушла из него безвозвратно. Она оставалась под его контролем, циркулируя по созданной им цепочке. Андрей попробовал немного ослабить натяжение мысленной нити, и свет тут же стал мягким, приглушенным. Он потянул сильнее — и комната залилась ярким, праздничным сиянием.

«Ну надо же... Связь на расстоянии», — пронеслась в голове невольная мысль, и Андрей слабо усмехнулся. Изменилась сама архитектура его души. Теперь он мог не просто транслировать ману, а управлять процессом на расстоянии, настраивая её силу и характер.

Снизу, из обеденного зала таверны, донесся умопомрачительный запах. Пахло свежеспеченным хлебом, сушеными степными травами и сочным, поджаристым мясом. Теодор явно готовил свое фирменное кабанье жаркое, чтобы отпраздновать их триумфальное возвращение. А еще сквозь неплотно прикрытую дверь донесся приглушенный, но яростный спор. Гном Вэндел и эльфийка Айрэн снова что-то бурно обсуждали на повышенных тонах, совершенно не заботясь о покое спящих.

Андрей вздохнул, спустил босые ноги на прохладный пол и сладко потянулся, слушая, как хрустит его уставший позвоночник. Тело все еще ныло, но любопытство и голод оказались сильнее. Пора было спускаться. Приключения приключениями, а завтрак по расписанию.

Андрей натянул простую холщовую рубашу и свободные штаны из приглушённой темной ткани — одну из тех неброских, но на удивление прочных вещей, которыми его снабдил щедрый гардероб Академии. Одежда приятно пахла сушеной лавандой и чистым горным воздухом. Каждое движение по-прежнему давалось с трудом, но горячая пульсация в венах постепенно вытесняла тупую мышечную ломоту, разливаясь по телу мягким целебным теплом.

Он толкнул тяжелую дубовую дверь своей комнаты. Коридор второго этажа встретил его полумраком и прохладой. Андрей, не торопясь пошел вперед, стараясь наступать на те половицы, которые вчера под его весом предательски скрипели. Сейчас, когда его чувства обострились, он улавливал малейшие нюансы окружающего пространства: легкий сквозняк, несущий свежесть утреннего сада, шероховатость деревянных перил под ладонью и, самое главное, нарастающий поток ласковых, аппетитных ароматов, поднимавшихся снизу.

Когда он начал спускаться по широкой винтовой лестнице, его уши наполнил гул голосов, доносившийся из обеденного зала. Спор между Вэнделем и Айрэн все еще продолжался, напоминая бесконечную дуэль на невидимых рапирах.

Обеденный зал таверны Теодора утром выглядел по-особенному уютно. Огромное помещение, заставленное массивными дубовыми столами, было буквально залито косыми столбами солнечного света. Мириады золотистых пылинок кружились в воздухе, словно крошечные послушные феи. За барной стойкой высилась монументальная фигура Теодора. Хозяин таверны, одетый в чистый белоснежный фартук поверх просторной рубашки, с сосредоточенным видом протирал влажной тряпкой темную столешницу. Его широкое, добродушное лицо с аккуратно подстриженной бородой отсвечивало искренним спокойствием.

Заметив спускающегося Андрея, Теодор тут же отложил тряпку, и его лицо расплылось в широкой, приветливой улыбке.

— А, наш Андрей наконец-то соизволил почтить нас своим присутствием! — громко-гласно пробасил трактирщик, отчего спор в углу зала на мгновение приутих. — Живой! А я уж, грешным делом, подумал, что мне придется подниматься наверх и проверять, не впал ли ты в летаргический сон после вчерашней прогулки в подземное царство. Выглядишь паршиво, парень, если честно. Словно тебя переехал груженный рудный обоз.

— Примерно так я себя и чувствую, Теодор, — улыбнулся Андрей, преодолевая последние ступени и опираясь на резные перила. — Но запах твоей кухни способен поднять даже мертвого. Клянусь, я различил его еще до того, как открыл глаза.

Теодор довольно хохотнул, похлопав себя по внушительному животу.

— Вот это правильный подход! Настоящему магу нужен хорошее топливо... то есть, хорошая еда, как ты любишь говорить. Садись скорее к ребятам, сейчас я организую тебе королевский восстановительный комплекс. Сегодня никаких диет!

Трактирщик повернулся к огромной печи, от которой исходил жар, и подхватил тяжелую чугунную сковороду.

Андрей прошел к длинному столу у окна, за которым уже сидела вся их честная компания. Он опустился на свободный стул, чувствуя, как расслабляются уставшие ноги.

Через минуту Теодор лично принес и с глухим стуком водрузил перед Андреем массивное деревянное блюдо, от которого поднимался густой пар. Андрей сглотнул набежавшую слюну. Это был настоящий кулинарный шедевр: внушительный кусок сочного, поджаристого кабаньего жаркого, покрытого золотистой корочкой, гора запеченного в золе дикого картофеля с пряными травами и несколько крупных, глянцево-красных томатов, которые лопались от собственной спелости. Рядом Теодор поставил пышную, еще теплую горбушку свежее испеченного хлеба и огромную, расписанную рунами глиняную кружку, до краев наполненную ароматным травяным чаем, от которого исходил легкий пар с запахом мяты и лесного меда.

— Ешь и ни о чем не думай, — наставительно произнес Теодор, прижимая кулаки к бокам. — Тебе нужно восстанавливать кровь и силы. Твои друзья вчера чуть не посидели, пока тащили тебя через портал. О магии даже не заикайся, пока не очистишь тарелку до блеска!

Андрей благодарно кивнул и взял тяжелую вилку. Он отрезал первый кусочек нежного, тающего во рту мяса и прикрыл глаза от удовольствия. В этот же миг он уловил, как горячая, сытная пища, попадая в желудок, почти мгновенно начинает усваиваться организмом. Но удивительно было другое: его новые вибрирующие каналы тут же отреагировали на прилив тепла. Они жадно впитывали выделяющуюся биологическую энергию, бережно перерабатывая её в чистую, ласковую ману и распределяя её по всей его внутренней сети. Процесс протекал сам собой, мягко и безупречно, без его прямого участия. Андрей мысленно улыбнулся этой аналогии — его внутренний хозяин был полностью удовлетворен качеством работы новой природы.

Андрей сидел за столом, блаженно прикрыв глаза и наслаждаясь каждым кусочком сочного мяса. Горячий чай Теодора постепенно согревал его изнутри, прогоняя остатки утренней прохлады и наполняя тело бодростью. Понемногу тупая боль в плечах начала отступать, сменяясь приятной тяжестью сытости. Он сделал еще один глоток, вдыхая аромат мяты и лесного меда, и наконец огляделся по сторонам, разглядывая своих спутников.

На самом краю длинного дубового стола, устроившись на широкой скамье с ногами, сидел Вэндель. Гном был настолько поглощен своим занятием, что, казалось, не замечал ничего вокруг. В его руках была зажата плотная бархатная тряпица, которой он с невероятной, почти религиозной нежностью полировал наверхие легендарного молота Торина. Древнее оружие, ради которого они едва не расстались с жизнями в мрачных глубинах Запретного города, покоилось прямо у него на коленях.

Молот выглядел монументально. Его тяжелый, угловатый боёк, выкованный из редчайшего подгорного сплава, отливал глубоким антрацитовым цветом с едва заметными серебристыми прожилками мифрила. На боковых гранях оружия были высечены сложные геометрические руны. Временами, когда мозолистые пальцы гнома касались этих древних символов, они на мгновение вспыхивали едва заметным, согревающим янтарным светом, словно молот тихонько вздыхал, отвечая на присутствие своего нового хозяина. Для обычного человека такое оружие показалось бы неподъемной глыбой металла, но Вэндель, благодаря своей врожденной магии Земли и крепкому телосложению, обращался с ним с поразительной легкостью.

— Если ты протрешь в нем дыру, Вэндель, древние предки гномов вряд ли скажут тебе спасибо, — с легкой улыбкой заметил Андрей, отламывая кусок хлеба.

Гном вздрогнул, оторвавшись от своего занятия, и сердито зыркнул на Андрея из-под густых, кустистых бровей. Однако в его глазах не было настоящей злости — только безграничная, распирающая его изнутри гордость.

— Что ты понимаешь в великом искусстве, парень с Земли! — фыркнул Вэндель, но бархатную тряпку все же отложил в сторону. — Это не просто кусок железа на палке. Это молот Первого Короля! Металл дышит. Он поет! Я чувствую, как его рунные контуры резонируют с моим собственным источником. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу, как внутри этого бойка циркулирует колоссальный объем энергии. Это... это как пытаться удержать в руках ядро бушующего вулкана. Оружие признало меня, но чтобы открыть хотя бы десятую часть его истинной мощи, мне понадобятся месяцы упорных тренировок под куполом.

— И тонны сочного кабаньего мяса, — раздался громовой, хриплый голос со стороны входа.

Тяжелая дубовая дверь таверны с грохотом распахнулась, впустив в зал свежий порыв ветра и Латкару. Большая орчанка буквально ввалилась в помещение, тяжело дыша. Она пахла утренним потом, сырой землей и древесным дымом — верный признак того, что она только что вернулась с тренировочной площадки после жестокого спарринга с мастером Гроллом. Её массивная кованая палица покоилась на широком плече, а изумрудная кожа блестела от капелек влаги.

Латкара с грохотом опустила оружие в специальную деревянную стойку у двери, отчего пол таверны ощутимо вздрогнул, и размашистым шагом направилась к столу. Она бесцеремонно плюхнулась на скамью прямо рядом с Андреем, обдав его жаром своего разгоряченного тела.

— Этот старый хрен Гролл вообще не знает жалости! — прорычала она, хватая с общего блюда огромную запеченную картофелину и отправляя её в рот целиком. Прожевав, она шумно выдохнула и с улыбкой посмотрела на Андрея. — О, Уголёк проснулся! Рада видеть тебя на ногах, парень. Вчера, когда ты отключился у портала, я всерьез испугалась, что твои тонкие человеческие каналы окончательно перегорели. Рада, что ошибалась. Без твоего тепла наши мечи бьют вполсилы слабее.

— Спасибо, Латкара. Я тоже рад, что все обошлось, — ответил Андрей, различая, как от её простых, но искренних слов в груди разливается приятное тепло.

— Конечно, все обошлось, — раздался чистый, мелодичный голос.

К столу неспешно подошли Тарен и Айрэн. Человеческий принц выглядел как всегда безупречно: его светлые волосы были аккуратно зачесаны назад, а простая синяя туника сидела идеально, несмотря на то, что вчера он прошел через адское сражение. Рядом с ним скользила Айрэн. Эльфийская принцесса двигалась с врожденным, завораживающим изяществом. Её длинные серебристые волосы мягкими волнами струились по плечам, а в глубоких, звездных глазах светилось легкое превосходство.

— Наш благородный принц всю дорогу до таверны твердил о том, что мы должны вознести молитвы Свету за твое спасение, Андрей, — насмешливо протянула Айрэн, изящно опус-

каясь на край скамьи и аккуратно расправляя подол своего платья. — Хотя, на мой взгляд, вместо молитв стоило просто дать нашему хозяину хорошенько выспаться и не дергать его по пустякам.

— Свет хранит тех, кто борется, Айрэн, — плавно, но твердо ответил Тарен, усаживаясь напротив и с улыбкой кивая Андрею. — Но я согласен с тем, что полноценный отдых и забота Теодора творят настоящие чудеса. Андрей, как твои каналы? Ты чувствуешь слабость? Вчера магия исцеления ложилась на тебя с трудом, словно твое тело сопротивлялось чужому вмешательству.

— Всё в порядке, Тарен. На самом деле, даже лучше, чем я ожидал, — Андрей решил пока не вдаваться в подробности своего утреннего эксперимента со светильником. — Тело еще болит, но внутри... внутри все угадывается как-то иначе. Словно каналы стали шире.

— Ну еще бы! — фыркнула Айрэн, бросив быстрый взгляд на реликвию, который Вэндель снова начал потихоньку протирать. — После того объема энергии, который ты прогнал через себя, твои каналы, как ты их называешь, должны были либо испариться, либо переродиться во что-то более приличное. Хотя, глядя на то, как наш уважаемый гном пускает слюни на свой кусок грубого железа, я начинаю сомневаться в эстетическом вкусе некоторых членов нашей команды.

Вэндель мгновенно вскипел, его лицо покраснело под цвет бороды.

— Грубое железо?! — взревел он, стукнув кулаком по столу, отчего кружки с чаем жалобно звякнули. — Да этот молот содержит в себе больше изящества и сложнейших рунных плетений, чем все ваши хваленые эльфийские побрякушки из звездного металла вместе взятые, остроухая принцесса! Каждая грань здесь выверена до волоска! Это вершина мастерства ушедшей эпохи!

Айрэн лишь беззвучно рассмеялась, прикрыв рот ладонью с тонкими пальцами. Её явно забавляла бурная реакция гнома. Тарен лишь устало покачал головой, а Латкара одобрительно хохотнула, подтолкнув Вэнделя локтем в бок так, что тот едва не выронил бархотку.

Андрей смотрел на них и улыбался. Весь этот привычный шум, эти вечные дружеские препирательства и подколки создавали непередаваемое ощущение дома. Там, дома, он был одинок — его окружали лишь холодные стены тусклых и редкие, ни к чему не обязывающие разговоры с коллегами. Здесь же, среди этих иномирян, каждый из которых бежал от собственной трагедии или неминуемой гибели, он впервые почувствовал себя частью чего-то по-настоящему живого и важного. Они были не просто группой выживших, случайно заброшенных в древнюю Академию. Они стали семьей.

Закрыв глаза на секунду, Андрей мысленно прислушался. Его новые вибрирующие каналы уловили тончайшие, едва заметные эманации энергии, исходившие от его друзей. Мягкое золотистое мерцание Тарена, яростный, тяжёлый гул камня от Латкары, звенящий синесеребристый отклик металла Вэнделя и прохладные, пространственные вибрации Айрэн. Все эти частоты, обычно хаотичные, сейчас, за этим столом, пребывали в удивительной, созвучной гармонии, словно сплетаясь в единую живую мелодию вокруг него самого.

Андрей сделал глубокий глоток чая, различая, как тепло окончательно побеждает утреннюю прохладу. Он поставил тяжелую глиняную кружку на деревянную столешницу и посмотрел на Вэнделя, который по-прежнему бережно поглаживал рукоять молота Торина.

— Вэндель, ты сказал, что чувствуешь огромную энергию внутри молота, — начал Андрей, устраиваясь поудобнее на стуле. — Но вчера, когда мы бежали к порталу, ты едва мог поднять его, не говоря уже о том, чтобы использовать его силу. Как именно работает эта связь?

Гном вздохнул и аккуратно положил молот перед собой, освобождая руки. Его лицо стало непривычно серьезным, лишенным обычной ворчливости.

— Видишь ли, Андрей... — медленно заговорил Вэндель, постукивая пальцем по одной из мерцающих рун на бойке. — Эта реликвия — это не просто тяжелая колотушка, которую

может взять любой сильный воин. Это сложнейший накопитель и преобразователь энергии, созданный величайшими мастерами прошлого. Древние заложили в него жесткую систему опознания... то есть, он признает только тех, в чьих жилах течет королевская кровь Первого Короля и чья магия Земли созвучна с его собственной частотой. Мой источник подошел. Молот ответил мне. Но это только первый шаг.

Вэндель замолчал, подбирая слова, затем продолжил:

— Сейчас я улавливаю его как огромный запертый резервуар. Вода в нем бурлит, но шлюзы закрыты. Руны на его поверхности — это своего рода замки. Чтобы открыть их все и заставить молот работать в полную силу, мне нужно не просто много маны. Мне нужно перестроить собственный разум и каналы, чтобы соответствовать его уровню напряжения. Если я попытаюсь выпустить всю его мощь прямо сейчас, меня просто разорвет на куски от обратной отдачи. Древнее оружие требует уважения и постепенности.

— Логично, — кивнул Андрей. — Защита на случай перегрузки. Умное решение.

— Вот именно! — оживился гном, благодарный за понимание. — Но главная проблема даже не во мне. Молот напрямую связан с самим Запретным городом. Вчера, когда мы пробились к портальной площадке, вы все видели, что там происходит. Город мертв. Он буквально задыхается под слоем темной магии и тлена.

Тарен, до этого молча слушавший гнома, согласно кивнул, его благородное лицо омрачилось тенью воспоминаний.

— Проклятие, которое лежит на этой древней столице, невероятно глубоко, — тихо произнес принц, сжав пальцы на рукояти своего посоха. — Сила Света, которую я призывал вчера, уходила в землю как вода в сухой песок. Там правят бал существа, которые не должны ходить по этой земле. Сотни, тысячи неприкаянных душ, подчиненных чужой злой воле. Пока они там, Запретный город остается незаживающей раной на теле этого мира.

— И этой раной управляет кто-то очень сильный, — подала голос Латкара, её изумрудная кожа на лбу натянулась от напряжения. — Скелеты-стражи двигались не хаотично. Они перестраивали ряды, зажимали нас в клещи, отсекали проходы. Это была не просто бездумная толпа костей. Кто-то дирижировал этим мертвым оркестром. И этот «кто-то» явно не обрадовался нашему визиту.

— Некромант, — коротко бросила Айрэн, изящно наматывая на пальчик серебристый локон своей шевелюры. — Или древний лич, который обустроил себе уютное гнездышко в глубинах гномьих шахт. И теперь, когда мы утащили у него из-под носа реликвию, он наверняка в ярости.

Андрей задумчиво побарабанил пальцами по столу. С его хозяйинской точки зрения ситуация выглядела крайне скверно. Запретный город был критически важной соседним миром, которая напрямую граничила с их Академией Андари через порталные переходы.

— Знаете, ребята... — медленно произнес Андрей, оглядывая друзей. — Мы не можем просто запереть дверь и сделать вид, что этого города не существует. Если там действительно сидит сильный кукловод, то это лишь вопрос времени, когда он накопит достаточно сил и попытается взломать наши защитные барьеры. Оставлять у себя под боком отравленную тьмой землю, кишашую нежитью и черной скверной — это чистой воды самоубийство. Рано или поздно купол Академии просто не выдержит постоянного давления тлена.

— Ты предлагаешь вернуться? — спросила Латкара, и в её глазах вспыхнул опасный, предвкушающий огонек ярости. Орчанка явно соскучилась по хорошей драке, где не нужно было сдерживать свои силы.

— Не просто вернуться, — Андрей посмотрел на Вэнделя, чьи глаза вдруг расширились от внезапной догадки. — Мы должны полностью очистить Запретный город. Квартал за кварталом. Улица за улицей. Избавиться от каждого скелета, каждого лича и уничтожить их темный алтарь, который питает всю эту нежить.

В комнате повисла тишина. Даже Теодор у печи перестал греметь посудой, прислушиваясь к их разговору.

— Зачистить... весь город? — прошептал Вэндель, его голос слегка дрогнул. — Но Андрей, это огромный подземный мегаполис! На это уйдут недели, если не месяцы непрерывных боев!

— Да, — твердо ответил Андрей. — Но подумай сам, Вэндель. Твой народ изгнал тебя. Твои сородичи считают тебя неудачником, потерявшим уважение кланов. Если ты вернешься к ним просто с молотом, они, конечно, удивятся, но твои враги быстро найдут способ обвинить тебя в краже или оспорить твои права. Но что, если ты вернешься к ним не просто с реликвией? Что, если ты принесешь им в подарок их древнюю, очищенную от скверны столицу? Безопасный, готовый к заселению Запретный город, защищенный барьерами нашей Академии.

Вэндель замер. На его лице отразилась целая буря эмоций: неверие, надежда, восторг и, наконец, глубокая, осознанная решимость. Его пальцы на рукояти молота сжались так крепко, что побелели суставы.

— Подарить моему народу очищенную родину... — выдохнул гном, и его глаза заблестели. — Ни один клан, ни один самый консервативный советник не посмеет пикнуть против меня. Это... это сделает меня безоговорочным кандидатом на королевский трон. Королем, который вернул величайшее наследие подгорного народа!

— Именно, — улыбнулся Андрей, отпивая чай. — Мы сделаем это вместе. Как команда. Это будет наш первый совместный общий дело, от которого зависит судьба целого народа.

Тарен тепло улыбнулся и протянул свою руку над столом.

— Свет одобряет это начинание, Андрей. Очистить древний город от скверны нежити — это благородный и праведный долг. Я с вами.

— Я в деле! — Латкара с размаху хлопнула своей огромной ладонью поверх руки Тарена, заставив стол снова содрогнуться. — Моя палица жадалась настоящей работы.

Айрэн вздохнула, картинно закатив глаза, но затем тоже протянула свою изящную ладонь с тонкими пальцами.

— Ну что с вами поделать. Придется присмотреть за вами, неразумными, чтобы вы не свернули себе шеи в этих темных гномьих норах. К тому же, мне интересно посмотреть, как изменится пространственная магия в этих глубинах.

Вэндель молча положил свою мозолистую, покрытую шрамами ладонь на руки друзей.

— Спасибо, — тихо, но с глубоким чувством произнес он, глядя на Андрея. — Я ваш должник. На всю жизнь.

Последним свою руку положил Андрей. Как только их ладони соприкоснулись, он снова почувствовал тот самый странный, ласковый резонанс в груди. Пять разных энергий, пять уникальных частот соединились в одну общую, невероятно прочную цепь. Проект «Великая зачистка» был официально запущен.

Торжественная тишина, повисшая над столом после их общей клятвы, казалась почти осязаемой. Пять ладоней всё ещё лежали одна на другой, образуя живое кольцо, в котором Андрей физически различал циркуляцию разнородных энергий. Это не было просто красивым жестом — их ауры, закаленные вчерашней битвой, сейчас обменивались крошечными импульсами, словно сверяя внутренние часы и подтверждая нерушимый пакт.

Вдруг воздух в обеденном зале таверны резко переменялся.

Андрей вздрогнул, почувствовав внезапную перемену в воздухе — словно само пространство вокруг сжалось в предвкушении. Лёгкая золотистая рябь пробежала по стенам таверны, а глиняные кружки на столе едва заметно звякнули, будто от лёгкого толчка. Латкара инстинктивно потянулась рукой к стойке, где покоилась её огромная палица, а Айрэн напряглась, вглядываясь в пространство за спиной Андрея.

Прямо посреди зала, в паре метров от их стола, вспыхнуло мягкое золотистое сияние. Свет на мгновение сделался густым и согревающим, словно в таверну распахнули окно навстречу рассвету, и из этого зарева выступил высокий, величественный силуэт.

Перед ними стоял Ректор Нандориал.

Древний маг выглядел точно так же, как и в день их первой встречи: длинная, ниспадающая на грудь серебряная борода, просторная мантия, расшитая созвездиями, которые медленно перемещались по ткани, живя своей собственной космической жизнью, и глубокие, мудрые глаза, светившиеся мягким внутренним светом. Его фигура была тверда и осязаема, а от самого Ректора исходило тонкое, едва уловимое гудение, напоминавшее вибрацию натянутой струны.

— Рад видеть вас в добром здравии, мои юные триумфаторы, — голос Нандориала прозвучал тихо, но он заполнил собой всё пространство таверны, отражаясь от тяжелых деревянных балок потолка. В его тоне не было привычной холодности — только глубокая, отеческая гордость. — Весть о вашем подвиге в Запретном городе уже разнеслась по тонким планам Андари. Вернуть реликвию из лап осквернителей и вернуться живыми... Честно признаться, даже я сомневался, что вы справитесь с этим испытанием с первой попытки.

Вэндель тут же вскочил со скамьи, едва не опрокинув кружку, и низко склонил голову, прижимая правую руку к сердцу.

— Господин Ректор! — взволнованно произнес гном. — Мы лишь исполнили свой долг перед Академией и моим народом. Без Андрея и ребят... Молот остался бы ржаветь в руках той твари.

— Не умаляй своих заслуг, Вэндель, — нежно остановил его Нандориал, подняв раскрытую ладонь. — Реликвия выбирает хозяина по сердцу и силе воли, а не по чину. То, что он признал тебя, доказывает: наследие подгорных королей в надежных руках. И твой план по очищению города... — Ректор на мгновение замолчал, его взгляд скользнул по сомкнутым рукам героев, — ...это поистине великое и дерзкое начинание. Академия окажет вам всю возможную поддержку, когда вы будете готовы.

Затем маг повернул свою величественную голову и сфокусировал взгляд на Андрее. В глазах древнего эльфа вспыхнуло странное, профессиональное любопытство. Он слегка прищурился, и его брови удивленно поползли вверх.

— Но больше всего меня интригуешь ты, Андрей, — тихо произнес Нандориал, делая бесшумный шаг вперед. Он словно скользил над дощатым полом, не касаясь его. — Еще на подходе к таверне я уловил, что энергетический фон Академии изменился. Исток Андари резонирует на совершенно новой, незнакомой частоте. И эпицентр этих колебаний находится прямо здесь. В тебе.

Андрей невольно сглотнул, чувствуя себя неуютно под этим пристальным, сканирующим взглядом. Он медленно поднялся со своего места, стараясь не делать резких движений.

— Если честно, господин Ректор, я и сам чувствую себя как-то... странно, — признался Андрей, сознательно избегая непонятных здесь сравнений из своего прежнего мира, чтобы не усложнять разговор. — Мои каналы... они словно вибрируют. И я могу зажигать кристаллы на расстоянии, даже не касаясь их.

Нандориал понимающе кивнул, и на его лице проступила серьезность.

— Подойди ближе, мой мальчик. Позволь мне взглянуть на то, что сотворила с тобой вчерашняя перегрузка. Не бойся, это не причинит тебе вреда.

Андрей сделал два шага вперед, выходя из-за стола и останавливаясь прямо перед фигурой Ректора. От Нандориала веяло густым, тёплым запахом старой кожи, чернил и чего-то неуловимо знакомого — как от книги, которую перечитываешь в сотый раз. Это не пугало — скорее, успокаивало.

Древний маг медленно поднял свои руки. Его длинные тонкие пальцы начали совершать в воздухе сложные, плавные пассы. Из кончиков его пальцев соткались тончайшие, светящиеся золотом нити. Они были похожи на жидкий солнечный свет, застывший в пространстве. С тихим, мелодичным звоном эти нити устремились к Андрею. Они не стали пробивать его одежду или кожу — они плавно, неосяземо прошли сквозь преграды, погружаясь прямо в его тело.

Андрей судорожно выдохнул. Ощущение было невероятным. Это не было больно — скорее, безумно щекотно, словно тысячи крошечных теплых муравьев одновременно побежали по его кровеносным сосудам. Золотые нити Ректора начали бережно оплетать его внутренние магические каналы, считывая их новую структуру.

Для Андрея это ощущение было странным и волнующим одновременно. Он буквально ощущал, как чужие лучи света тихо текут по его внутренним цепям, осторожно ощупывая каждый узел, каждый изгиб и отмечая все перемены, произошедшие в его существе. Он видел, как золотистый свет Нандориала натывается на новые рунические контуры, проступившие на стенках его каналов, и на мгновение задерживается там, вслушиваясь в их силу и характер.

С каждым мгновением лицо Ректора становилось всё более удивленным. Мудрые глаза древнего мага расширились, а пассы руками стали медленнее, словно он не верил тому, что считывали его диагностические чары. Золотые нити вокруг тела Андрея запульсировали быстрее, проецируя в воздух над его головой трехмерную, полупрозрачную схему его энергетического каркаса.

Ребята за столом дружно ахнули. Даже Айрэн приоткрыла рот от изумления. Вместо привычной, хаотичной ауры обычного человека, над Андреем блистала сложная, геометрически безупречная матрица, состоящая из сотен светящихся узлов и переплетенных нитей, покрытых микроскопическими, непрерывно мерцающими рунами Андари. Эта структура выглядела как шедевр артефакторного искусства, созданный величайшими мастерами древности, но она была живой и пульсировала в такт его сердцу.

Нандориал медленно опустил руки. Золотистые нити погасли одна за другой с тихим вздохом, а проецируемая схема растворилась, оставив после себя лишь лёгкие золотистые искорки, неспешно оседавшие на стол.

Ректор долго молчал, пристально глядя на Андрея. Его грудь тяжело вздымалась, словно от пережитого волнения, которого древнему магу не приходилось улавливать уже очень давно.

— Невероятно... — наконец прошептал древний маг, и в его голосе Андрей впервые услышал легкую, благоговейную дрожь. — То, что я сейчас увидел... это выходит за рамки всего, что мы знали о самой природе магического дара. Твоя душа, Андрей... она полностью переписала собственные законы.

Ректор Нандориал медленно обвел взглядом притихших героев. Мантия на его плечах чуть колыхнулась от неумолимого движения, а лицо оставалось серьезным и сосредоточенным. Он снова посмотрел на Андрея, и в его глазах читалась смесь глубокого уважения и тревоги.

— То, что произошло вчера у портала, — начал древний маг, и его голос эхом разнесся по таверне, — должно было убить тебя, Андрей. Человеческое тело и душа просто не приспособлены для того, чтобы пропускать через себя колоссальные объемы дикой, необузданной энергии древних миров. Когда ты удерживал закрывающиеся ворота порталной площадки, напряжение превысило все допустимые пределы. Твои проводники горели. Твоя собственная жизненная сила испарялась, уступая место чистому, разрушительному потоку маны.

Андрей молча слушал, невольно вспоминая ту невыносимую, выжигающую изнутри боль, которую он чувствовал перед тем, как провалиться в спасительное забытие.

— В обычных условиях, — продолжил Нандориал, — такая сила разрывает человека изнутри, уничтожая его и всё вокруг. Но Академия не позволила тебе погибнуть. Защитные контуры этого замка, напрямую связанные с твоей душой с момента призыва, среагировали на

критический разрыв. Чтобы спасти твою жизнь, Андария начала срочный отвод избыточной силы. Она буквально вправила свои собственные управляющие руны в структуру твоих каналов, используя их как отводы и уравниловы. Древняя защитная печать этого места стала частью твоей духовной плоти.

— И что это значит для меня? — тихо спросил Андрей. — Кем я стал?

Нандориал слегка улыбнулся, но его взгляд оставался серьезным.

— Ты перестал быть просто безвольным сосудом, Андрей. Раньше твоя роль сводилась к тому, чтобы собирать ману и покорно отдавать её другим. Сила лишь протекала сквозь тебя, ничего не оставляя. Теперь всё иначе. Эти руны на стенках твоих каналов — настраиваемые ключи, и ты сам стал живым мостом этой силы. Ты можешь настраивать частоту проходящей через тебя энергии, преобразовать её, изменять давление, перенаправлять потоки — и, самое удивительное, временно принимать и пропускать сквозь себя частоты всех четырех стихий. Земля Латкары, Металл Вэндела, Свет Тарена, Пространство Айрэн — с каждой из них ты способен резонировать.

Ребята за столом переглянулись. В их глазах читалось искреннее изумление.

— Это значит... — медленно произнесла Айрэн, её голос лишился привычного насмешливого тона, — что он больше не беспомощный Уголёк? Он может использовать нашу магию?

— Не совсем использовать, дитя мое, — покачал головой Ректор. — Андрей не сможет сотворить огненный шар из ничего или открыть портал самостоятельно. У него нет собственного стихийного ядра. Но он может перехватить твоё плетение, Айрэн, пропустить его через свои каналы, стабилизировать, усилить и перенаправить дальше. Он может взять избыток ярости Латкары и превратить его в защитный щит Вэндела. Он — живой мост, способный сплести разные магии в единое, смертоносное созвучие.

Андрей посмотрел на свои ладони. В его мыслях завертелся вихрь новых, пьянящих возможностей. «Я больше не безвольный сосуд. Я — тот, кто сплетает чужие силы в единую мелодию боя». От этой мысли по спине пробежали мурашки. Это открывало колоссальные тактические возможности в бою. Они больше не будут зависеть от того, успеет ли Тарен вовремя исцелить Латкару или сможет ли Вэндель поставить каменную стену под вражеским огнем. Андрей сможет делать всё это сам, балансируя их силы из центра группы.

— Но помни, Андрей, — голос Нандориала внезапно стал суровым, а температура в комнате снова слегка упала. — У любой медали есть обратная сторона. Твоя новая структура невероятно сложна и нестабильна. Одно неверное движение, слишком сильный резкий выброс несовместимых стихий — и твои новые рунные каналы просто заклинит, что приведет к мгновенному самовозгоранию души. Тебе нужно учиться. Учиться долго, упорно и безжалостно.

Ректор повернулся к остальным членам группы.

— И это касается всех вас. Вы вернули реликвию, и это великая победа. Но вы также разбудили древнее зло, которое спало в глубинах Запретного города. Некроманты Запретного города и темные твари подземного мира теперь знают о существовании Андари. Они будут искать пути сюда. Буря приближается, мои юные друзья, и у нас очень мало времени. С сегодняшнего дня ваши тренировки с наставниками изменятся. Гролл, Кларисса и Эленора больше не будут сдерживать свои удары. Они будут учить вас выживать в реальном, беспощадном бою. Вы должны стать единым, идеально отлаженным механизмом.

Вэндель крепче сжал рукоять молота Торина и решительно кивнул.

— Мы готовы, господин Ректор. Подгорный народ не боится тяжелой работы. Я заставлю этот молот петь так, как нужно Академии.

— Моя палица всегда наготове, — Латкара оскалила клыки в хищной, уверенной улыбке. — Пусть эти старики попробуют меня остановить.

Тарен молча прижал кулак к сердцу, подтверждая свою верность их общему делу, а Айрэн лишь изящно склонила голову, давая понять, что не отступит перед трудностями.

Нандориал удовлетворенно кивнул. Тёплое золотистое зарево вокруг него на миг сделалось ярче, словно вбирая в себя лучи утреннего солнца, лившиеся в окна таверны.

— Отлично. Заканчивайте свой завтрак и восстанавливайте силы. Через два часа я жду вас на тренировочной площадке под куполом. Время мирных дней в Андари подошло к концу. Да пребудет с вами Свет Андари.

С тихим, мелодичным звоном Ректор отвернулся и сделал шаг в сторону — золотистое сияние вспыхнуло в последний раз и погасло, словно за ним закрылась невидимая дверь. В таверну вернулось привычное тепло, пар от кабаньего жаркого Теодора снова лениво поплыл к потолку, а иней на кружках, не успевший появиться, так и не возник.

Несколько секунд за столом стояла полная тишина. Все переваривали слова древнего мага.

— Ну что... — Андрей нарушил молчание, беря в руки вилку и с улыбкой глядя на своих друзей. — Слышали босса? Время поджигает, а у нас на тарелках остывает лучшее жаркое в этом мире. Давайте доедать. Нам сегодня еще спасти этот мир... то есть, тренироваться, пока не рухнем.

Латкара весело расхохоталась и потянулась за добавкой, Вэндель бережно устроил реликвию на скамье рядом с собой, а Тарен и Айрэн принялись за еду с новым, сосредоточенным аппетитом. Андрей сделал глубокий вдох, улавливая, как внутри него вибрируют и поют новые мерцающие нити маны. Он был готов к любому вызову, который бросит ему этот удивительный мир. Первая глава их новой истории была написана, и впереди их ждал долгий, полный опасностей путь.

Глава 2. Пути Наставников

Утро Андари встретило пятерых спутников звенящей, кристальной прохладой.

Когда они вышли из уютного тепла таверны Теодора, Андрей невольно зажмурился от яркого света. Огромный радужный купол, укрывавший Академию Андари, сегодня переливался особенно сочно, окрашивая раскинувшиеся вокруг руины в нежные пастельные тона — от нежно-розового до глубокого ультрамаринового. Воздух был настолько чистым и разреженным, что казался почти сладким на вкус.

Их путь лежал к тренировочному полигону — обширной круглой арене, расположенной на самой окраине замкового комплекса, у подножия разрушенной обсерватории. Дорога из белого камня, заросшая по краям диким вереском, хрустела под подошвами их тяжелых походных сапог. Никто не разговаривал. После утреннего сытного завтрака в таверне каждого из них переполняли собственные мысли. Вэндель шел чуть позади, бережно прижимая к груди завернутый в плотную ткань Молот Торина — гном словно боялся, что реликвия может растаять под лучами утреннего солнца. Латкара то и дело разминала плечи, её пальцы судорожно сжимали рукоять палицы, точно она предвкушала скорую схватку. Тарен шел ровным, царственным шагом, его лицо было сосредоточенным, а Айрэн скользила рядом, едва касаясь травы подошвами изящных туфель, устремив задумчивый взгляд к вершине радужного барьера.

Сам тренировочный полигон представлял собой величественное и одновременно жутковатое зрелище. Огромный круг диаметром более ста метров был вымощен древними обсидиановыми плитами, которые за века тренировок покрылись глубокими щербинами, трещинами и подпалинами от разрушительных заклинаний. По краям арены высились массивные каменные трибуны, наполовину разрушенные временем и поросшие плющом. В воздухе над плитами все еще витал едва уловимый, щекочущий ноздри запах озона, гари и мокрого камня. На дальнем конце площадки застыли уродливые мишени — ростовые манекены из мореного дуба, обитые толстыми полосами ржавого железа, на которых виднелись глубокие следы от топоров и магии.

Как только ребята ступили на обсидиановые плиты, воздух в самом центре арены внезапно пошел рябью. По нему побежали мелкие дрожащие складки, словно в воду бросили невидимый камень.

Температура на полигоне стремительно упала. В самом центре арены полыхнула короткая вспышка света, и на обсидиан ступили три высокие фигуры.

Наставники явились без предупреждения.

В центре стоял мастер Гролл — гигантский орк, чья могучая аура отливала суровым стальным цветом. Его лицо, иссеченное глубокими боевыми шрамами, не выражало никаких эмоций, а массивная, покрытая рунами секира была небрежно воткнута в плиты у его ног. Слева от него стояла леди Кларисса — величайшая мастерица магии Жизни и Света былых эпох. Её утонченное лицо дышало строгим, аристократичным благородством, а длинные одежды приглушенно струились вниз, излучая ровное, золотистое сияние. Справа, скрестив руки на груди, застыла прекрасная Эленора — вспыльчивая наставница Огня. Её огненно-рыжие волосы тлели, словно живые угли, а в раскосых глазах цвета раскаленной меди играла хищная, нетерпеливая усмешка.

Три пары глаз уставились на отряд. Под этим взглядом Андрей почувствовал себя невероятно маленьким и уязвимым.

— Вы вернулись, — глухо пробасил мастер Гролл, и от его тяжелого голоса обсидиановые плиты под ногами ребят слабо завибрировали. — И даже притащили с собой игрушку древних королей гномов. Неплохо для кучки испуганных юнцов, которые еще месяц назад не умели правильно держать оружие.

— Но не обольщайтесь, — холодный, чистый голос леди Клариссы прозвучал подобно удару хрустального колокола. — Ваша вчерашняя победа в Запретном городе была чистой воды случайностью. Безумным везением отчаявшихся душ. Вы действовали хаотично, расходуя колоссальные объемы энергии впустую. Вы выжили лишь потому, что ваш противник недооценил глубину вашей глупости.

Эленора лениво повела рукой, и над её раскрытой ладонью с тихим гулом вспыхнул и тут же угас язык алого пламени.

— Ваши силы разлажены, — с ленивой насмешкой добавила огненная наставница. — Когда вы сражаетесь, каждый из вас тянет силу на себя, обжигая и глуша союзников. Вы не команда. Вы — разрозненные искры, что случайно вспыхнули на одном поле боя. И если вы продолжите в том же духе, следующая встреча с нежитью станет для вас последней.

Андрей слушал их суровые речи, и в его голове невольно складывался привычный образ. Наставники описывали их отряд как расстроенный оркестр, где каждый музыкант играет свою мелодию, не слыша соседей, заглушая друг друга и сбивая общий ритм. Пятеро сильных, но одиноких голосов — и ни одного, кто свёл бы их в единое созвучие. Естественно, при первой же серьёзной буре их разрозненная песня едва не оборвалась.

Но Андрей помнил золотое правило: о своём прежнем мире — ни слова вслух. Наставники его просто не поймут, да и друзьям сейчас нужны были понятные, живые образы, а не отвлечённые рассуждения.

— Мы понимаем свои ошибки, мастера, — Тарен сделал шаг вперед и почтительно склонил голову. — Вчерашний бой показал, как мало мы еще знаем. Мы готовы учиться.

— Рад слышать это, человеческий принц, — Гролл хищно оскалился, обнажив два крупных нижних клыка. — Потому что с этого дня пощады не будет. Время ознакомительных прогулок подошло к концу. Мы вытрясем из вас всю вашу лень и неуклюжесть. Мы научим вас двигаться, дышать и бить как единый организм.

Орк выдернул свою тяжелую секиру из плит и широким жестом указал на арену.

— Сегодня мы проверим, на что способны ваши тела, когда мана течет под предельным давлением. И начнем мы с тебя, девочка-орк. Посмотрим, насколько крепка твоя хваленая ярость, когда против тебя выйдет настоящий мастер меча. Латкара, на центр!

Латкара тяжело слотнула, но в её глазах тут же вспыхнул упрямый, яростный огонек. Она крепче перехватила палицу и решительным шагом направилась к середине обсидианового круга.

Андрей проводил её взглядом и тихо вздохнул, различая, как внутри него начинают вибрировать новые рунные нити каналов. Он понимал: его новый дар — умение сплести чужие силы в единое созвучие — сегодня подвергнется первому, самому жёсткому испытанию. И цена ошибки на этом полигоне будет крайне высока.

Латкара медленно пошла к центру обсидианового круга, и каждый её шаг отзывался глухим, тяжелым стуком подкованных металлом сапог по древним плитам. Её могучие плечи были напряжены, а под кожей перекачивались мощные узлы мускулов. Обычно уверенная в себе, сейчас орчанка выглядела сосредоточенной и даже слегка взволнованной. Вчерашний бой в Запретном городе показал ей, что в этом мире есть силы, способные с легкостью смять её природную мощь, и перед лицом сурового орка-воителя она не хотела ударить в грязь лицом.

Мастер Гролл стоял неподвижно, его могучая фигура возвышалась над обсидианом подобно стальной скале. Массивная двухметровая секира, которую он держал всего одной рукой, казалась естественным продолжением его тела.

— Ну же, девочка, — прогудел Гролл, и в его голосе проступили жесткие, требовательные ноты. — Не заставляй меня ждать. Подними своё оружие и покажи, чему ты научилась в этих стенах. Нападай так, словно перед тобой стоит твой злейший враг, жаждущий твоей крови. Потому что если ты этого не сделаешь, я сам размажу тебя по этим плитам.

Латкара не заставила себя просить дважды. С диким, гортанным криком, от которого зазвенело в ушах, она сорвалась с места. Вокруг её тела мгновенно вспыхнула зелёная, искрящаяся дымка — проявление её бушующей стихийной магии Земли, подпитывающей орочью ярость. Она совершила стремительный рывок вперед, её палица описала в воздухе широкую, гудящую тяжелым каменным гулом дугу, нацеленную прямо в шею гиганта. Это был страшный удар, способный перерубить пополам вековой дуб.

Гролл даже не шелохнулся. Лишь в самый последний момент он ленивым, отточенным движением приподнял свою секиру, встречая атаку Латкары.

Раздался оглушительный, металлический звон такой силы, что Андрей на трибуне инстинктивно вжал голову в плечи. Сноп яростных зелёных искр разлетелся во все стороны, мгновенно растаяв на обсидиановых плитах. Латкару отбросило назад на три полных шага. Её подошвы прочертили по камню глубокие серые полосы, а руки ощутимо задрожали от страшной отдачи.

— Слабо! — прогремел Гролл, качая головой. — Слишком много шума и слишком мало дела. Ты выплеснула половину своей маны в один этот прыжок, а остатки твоей силы ушли в твой глупый крик. Настоящая ярость воина — это не истерика обиженного ребенка. Это сфокусированный, холодный напор. Твои каналы горят, но энергия уходит сквозь пальцы. Еще раз!

Латкара яростно оскалила клыки, её глаза налились кровью. Подстегиваемая уязвленной гордостью, она снова бросилась в атаку, обрушив на Гролла град быстрых, хаотичных ударов. Её палица крутилась колесом, нанося удары сверху, сбоку, с разворота. Изумрудная мана летела во все стороны рваными брызгами. Но мастер двигался с поразительным, почти неестественным для его габаритов изяществом. Он блокировал каждый выпад одной рукой, едва сменяясь с места, словно лениво отмахивался от назойливой мухи. Его оружие описывало экомные, безупречные траектории.

Андрей внимательно наблюдал за этим боем со скамьи трибуны, и его новые, обострившиеся чувства позволяли ему видеть то, что оставалось скрытым от других. Сквозь призму своих измененных рунных каналов он видел ауру Латкары очень отчетливо.

Для его обостренного чутья эта картина выглядела тревожно. Сила Латкары высвобождалась совершенно неравномерно. Когда она злилась, мана внутри нее взрывалась хаотичными, неуправляемыми вспышками. Кипящая энергия ярости буквально переполняла её проводящие пути, заставляя мышцы работать на износ. Но за каждой такой бешеной вспышкой мгновенно следовал глубокий спад — мгновения бессилия, во время которых Латкара оставалась совершенно беззащитной, тяжело хватая ртом воздух и теряя координацию. Энергия расходовалась впустую, выжигая её собственные резервы.

«Её сила течет как прерывистый, бьющий рывками поток», — подумал Андрей. — «Ещё немного, и она просто упадет без сил, полностью опустошив свой внутренний источник. А Гролл явно не собирается останавливаться».

Мастер действительно перешел в контратаку. Он сделал широкий, неторопливый замах своей тяжелой секирой. Его удар не отличался скоростью, но за ним стояла колоссальная, неостановимая масса. Латкара, чьи легкие уже горели от усталости, а мышцы дрожали от перенапряжения, попыталась поднять оружие для блока, но её собственная мана пульсировала слишком слабо и неритмично. Она просто не успевала выстроить жесткую защиту. Этот удар должен был вмять её в обсидиановые плиты арены.

Андрей понял, что медлить больше нельзя. Помня предупреждение Ректора, он сосредоточился.

Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох и настроился на золотистую руническую вязь, проступившую на его собственных каналах. Андрей мысленно потянулся вперед, настраивая свою внутреннюю энергию на частоту земляной магии Латкары. Это было похоже на поиск

созвучия между двумя музыкальными инструментами. В его сознании словно соединилась невидимая, теплая нить, протянувшаяся прямо к бьющемуся сердцу сражающейся орчанки.

Установив контакт, Андрей не стал передавать ей свою ману — её было слишком мало. Вместо этого он стал для неё незримой опорой. Он начал нежно сглаживать пики её ярости.

Каждый раз, когда в теле Латкары назревал очередной разрушительный, хаотичный взрыв силы, грозящий выжечь её каналы, Андрей аккуратно сдерживал этот избыток маны и перенаправлял его вглубь её тела. А в те моменты, когда её энергия шла на спад, он мгновенно заполнял пустоту мягким, ровным импульсом накопленного ранее тепла. Он выравнивал пульс её магии, превращая рваные вспышки в единый, плотный и мощный поток.

Латкара уже приготовилась к сокрушительному удару Гролла, зажмурив глаза и приготовившись к падению. Но в следующую секунду её тело пронзило невероятное ощущение.

Разрывающая грудь, удушливая жара её дикой ярости вдруг угасла. На её смену пришла кристально чистая, послушная и глубокая сила. Бешено колотящееся сердце замедлило свой бег, дыхание выровнялось. Дрожь в мышцах пропала, сменившись стальной, невероятной упругостью. Ощущение было таким, словно её уставшие, горячие каналы вдруг наполнились прохладной, идеально чистой энергией. Весь перегрев исчез, уступив место абсолютному контролю и сосредоточенности. Ей показалось, что время вокруг замедлило свой ход, а траектория падающей секиры Гролла стала ясной и предсказуемой.

Это было идеальное, гармоничное равновесие её духа.

Секира Гролла обрушилась сверху подобно падающему метеору. Но Латкара больше не паниковала. Двигаясь с безупречной грацией, она плавно ушла на полшага в сторону, гася инерцию удара, перехватила свою палицу двумя руками и встретила тяжелую сталь мастера идеальным блоком под углом в сорок пять градусов.

Раздался оглушительный взрыв спрессованного воздуха. Волна энергии и зелёных сполохов разлетелась по полигону, заставив каменные трибуны ощутимо содрогнуться. Андрей почувствовал сильную, режущую отдачу в своей собственной голове. Его виски сдавило тисками острой боли, а золотые руны в венах обожгли кожу изнутри, но он упрямо держал связь, продолжая балансировать поток Латкары.

Латкара выдержала удар. Её ноги глубоко вросли в обсидиановые плиты, камень под её сапогами покрылся сетью мелких трещин, но она даже не согнула коленей. Она заблокировала сокрушительный выпад мастера Гролла так чисто и идеально, словно сама была высечена из монолитной скалы.

Гролл замер, его тяжелое оружие уперлось в блок орчанки. На лице гиганта отразилось глубокое, искреннее изумление. Он смотрел на то, как ровно она дышит, на её собранную, сфокусированную зелёную ауру, в которой больше не было ни единого хаотичного всплеска или провала. Всё её существо дышало безупречным балансом сил.

— Что за... — тихо прошептала Латкара, растерянно глядя на свои руки и совершенно не понимая, откуда в ней взялась эта невероятная стальная грация и легкость.

Гролл медленно отвел свою секиру назад и опустил её на плиты. На его суровом лице с глубокими шрамами неспешно расплылась широкая, довольная ухмылка.

— А вот это... это уже было похоже на настоящего воина, девочка, — прогудел мастер, и в его голосе впервые прозвучало одобрение. — Идеальный контроль над своей энергией. Я не уловил ни капли лишнего расхода маны. Твоя ярость наконец-то стала твоим оружием, а не твоим хозяином. Но как ты...

Андрей мгновенно разорвал мысленную связь и тяжело откинулся на спинку скамьи трибуны. Его лоб покрылся холодной испариной, дыхание было частым и прерывистым, а в ушах стоял противный звон. Тело пронзила волна слабости, но под обсидиановым куполом его губы расплылись в счастливой улыбке. Первое незримое созвучие сложилось безупречно.

После короткой передышки на арену вышла леди Кларисса. Наставница магии Жизни скользила над обсидиановыми плитами с поразительным изяществом. Её золотистые одежды испускали приглушённое, теплое зарево, но взгляд оставался строгим и требовательным. Она остановилась в центре полигона и сделала плавный жест рукой.

Прямо из обсидианового пола с глухим скрежетом поднялись четыре массивных тренировочных манекена из темного дерева. На их груди и плечах тускло мерцали руны Жизни, но эти символы были повреждены глубокими сколами и трещинами. Каждое мгновение рунный узор угасал все сильнее, грозя полностью разрушиться.

— Магия исцеления и созидания — это не просто слепая вера, принц Тарен, — чистый, кристальный голос Клариссы разнесся над ареной. — Это строгая, гармоничная структура. Каждая рана — это хаос, разорванное плетение плоти и духа. Ваша задача — вернуть этому хаосу первозданный порядок. Вы должны восстановить рунные узоры на этих манекенах, на ходу вплетая свою ману в их трещины.

Тарен молча кивнул, его рука легла на деревянный посох Клариссы. Он был собран и серьёзен.

— Но в реальном бою, — продолжила Кларисса, и в её глазах вспыхнул холодный блеск, — враг не позволит вам стоять на месте и спокойно шептать заклинания. Вы будете двигаться, уворачиваться от ударов и бороться за свою жизнь. Эленора, начни.

Огненная наставница, стоявшая поодаль, лишь слегка приподняла бровь. В ту же секунду в воздухе над ареной вспыхнули пять ярких сфер спрессованного, слепящего пламени. С резким свистом они устремились прямо к Тарену. Эти снаряды не несли смертельной опасности, но их удар был способен сбить с ног и оставить тяжелые ожоги.

Тарен сорвался с места. Он совершил стремительный кувырок, уходя от первой сферы, которая с шипением врезалась в плиты позади него, оставив дымящуюся отметину. Вскочив на ноги, принц выбросил вперед правую руку, направляя поток золотистой энергии к первому манекену.

— Восстановление! — выдохнул он.

Золотистая мана Жизни соприкоснулась с потрескавшейся древесиной. Тарен сосредоточился, пытаясь мысленно воссоздать сложный геометрический узор руны, заполнить своей силой каждую микроскопическую трещину. Это была ювелирная, требующая абсолютной концентрации работа. Но в этот момент прямо в него полетели еще две огненные сферы.

Тарен был вынужден прервать плетение и совершить резкий прыжок в сторону. Тонкая золотая нить магии мгновенно порвалась. Недописанная руна на манекене вспыхнула и тут же погасла, осыпавшись бесполезными искрами.

— Слабая концентрация! — жестко прокомментировала Кларисса. — Вы теряете нить заклинания при малейшей угрозе. Вы пытаетесь строить плетение с нуля каждый раз, когда ваше тело совершает движение. Это недопустимо!

Тарен тяжело дышал, уворачиваясь от очередных снарядов. Его лицо покрылось потом, а на плече уже красовался темный ожог от задевшей его огненной сферы. Он снова и снова пытался сотворить заклинание, но каждый раз, когда ему приходилось прыгать, уклоняться или блокировать удары деревянным посохом, сложная ментальная формула в его голове рассыпалась на части. Он просто не мог одновременно вести сложнейшие вычисления узора и защищать себя.

Андрей, наблюдавший за этим с трибуны, чувствовал, как внутри него растёт соперничество другу. Сквозь свои измененные каналы он видел процесс плетения Тарена как на ладони.

Для обостренного восприятия Андрея эта картина выглядела до боли знакомой. Тарен пытался решить задачу самым тяжелым способом. Каждый раз, когда манекен получал повреждение или когда самому Тарену требовалось исцеление, принц заново, вручную, сплетал сложнейший, многоступенчатый узор. Он тратил драгоценные секунды на то, чтобы вспомнить

рисуюнок плетения, направить поток, удержать сосредоточение... А когда прилетал вражеский удар, всё рассыпалось, и приходилось начинать сначала.

«Он латает каждую царапину по отдельности», — подумал Андрей, потирая ноющие виски. — «Это чудовищная нагрузка на его разум. Каждое уклонение обрывает плетение. Зачем ткать заклинание заново для каждой раны? Что, если запустить один постоянный, бархатистый поток магии Жизни, который будет струиться сам собой, без его участия? Незримый круговорот, что тихо течёт вокруг него и сам затягивает любые прорехи в ауре, едва они появятся».

Андрей понял, что это отличная возможность испытать свой пробуждающийся дар. Он закрыл глаза, прислушиваясь к угасающей боли в собственном теле, и сосредоточился.

Золотистая руническая вязь на его каналах отозвалась мягким, ровным теплом. Андрей мысленно потянулся к Тарену, настраивая свои проводники на нежную, чистую и теплую частоту магии Жизни. Это было сложнее, чем с яростью Латкары — магия Жизни требовала невероятной тонкости и плавности. Но руны Андари внутри него послушно среагировали, выстраивая невидимый, согревающий мост между собой и бьющимся сердцем принца.

Как только контакт установился, Андрей не стал вмешиваться в силу Тарена напрямую. Вместо этого он помог другу изменить саму структуру заклинания.

Андрей мысленно перехватил концы золотых нитей маны, которые Тарен в очередной раз пытался судорожно связать в единый узор. Андрей нежно развернул эти нити и закольцевал их. Он помог Тарену зафиксировать базовую формулу исцеления в устойчивое, самоподдерживающееся рунное кольцо. Это больше не была сложная геометрическая фигура, которую нужно удерживать в сознании. Теперь это был простой, ритмично пульсирующий круговорот энергии, который Андрей заставил циркулировать на самой границе ауры Тарена.

Сам Андрей взял на себя роль незримого дирижёра этой силы. Тарену больше не нужно было думать о том, куда направить ману. Постоянный, тихий поток энергии Жизни струился вокруг него мягким золотистым облаком. Стоило огненной сфере задеть плечо принца, как этот фоновый поток мгновенно и без всякого участия Тарена устремлялся к поврежденному месту, бережно затягивая ожог за долю секунды.

Тарен как раз совершил самый сложный прыжок, уходя от сразу двух огненных сфер Эленоры, и уже приготовился к очередной вспышке боли в обожженном боку. Но боли не последовало. Вместо этого он различил глубокое, расслабляющее тепло. Он бросил быстрый взгляд на свое плечо и опешил: тяжелый ожог на глазах затягивался новой, чистой кожей под легким золотистым мерцанием.

Более того, Тарен с изумлением осознал, что ему больше не нужно концентрироваться на заклинании. Золотистая магия Жизни текла сама по себе, послушная этому новому, невидимому ритму. Его разум был абсолютно свободен.

«Что происходит?..» — пронеслась в голове ошеломленная мысль принца. Но времени на размышления не было — Эленора ускорила темп.

Теперь Тарен двигался с невероятной легкостью. Свободный от необходимости постоянно воссоздавать рунные узоры, он полностью сосредоточился на защите и движении. Он уклонялся, прыгал, совершал обманные маневры, двигаясь так быстро и чисто, словно сам стал частью ветра. И каждый раз, когда он пробегал мимо очередного тренировочного манекена, его новая фоновая магия Жизни сама считывала повреждения дерева. Тонкие золотистые ручейки энергии сами собой отделялись от его ауры, устремлялись к трещинам на деревянных фигурах и мгновенно заполняли их, восстанавливая рунные контуры до идеального состояния.

Манекены вспыхивали один за другим, загораясь ровным, исцеленным светом.

Леди Кларисса замерла. Её лицо вытянулось от крайнего изумления. Она видела, как Тарен совершает сложные акробатические трюки, уворачиваясь от огненных снарядов Эленоры, и при этом умудряется лечить мишени с поразительной скоростью и точностью — и

всё это без единого произнесенного слова или пасса руками! Магия Жизни текла вокруг него непрерывным, послушным шлейфом, реагируя на малейшие повреждения вокруг.

— Невероятно... — тихо прошептала наставница, переводя взгляд с Тарена на трибуны, где сидел бледный, но улыбающийся Андрей. — Такое слияние движения и непрерывного созидания... Это противоречит всем канонам традиционного плетения.

Эленора прекратила атаку, и парящие огненные сферы мгновенно угасли в воздухе.

Тарен остановился в центре арены, тяжело дыша, но его глаза сияли невиданным восторгом. На нем не осталось ни единой царапины, ни одного ожога. Все четыре манекена вокруг него мерцали безупречным, ровным золотом полностью восстановленных рун. Он посмотрел на свои ладони, чувствуя, как внутри него до сих пор совершает свой тихий, ритмичный круговорот бархатистая энергия, а затем поднял взгляд на трибуны и благодарно кивнул Андрею.

Сам Андрей медленно выдохнул, улавливая, как горячая волна слабости накатывает на его тело. Виски ломило от напряжения, но это была приятная усталость человека, который только что свёл множество разлаженных сил в единое, безупречное созвучие.

После того как Тарен вернулся на трибуны под одобрительные кивки друзей, настала очередь Айрэн. Эльфийская принцесса поднялась со своего места с неизменным, холодным изяществом. Она неторопливо поправила складки своего походного платья, откинула назад длинную серебристую прядь волос и скользнула на арену. Её движения были настолько плавными, что казалось, будто она не идёт, а парит в паре дюймов над шероховатым обсидианом.

Наставница Эленора уже ждала её в центре круга. Её стройная фигура словно излучала жар — вокруг плеч дрожало едва заметное марево, а от каждого движения в воздухе оставался тонкий запах раскалённого металла. В её глазах цвета раскалённой меди светилось не холодное, а жаркое, хищное спокойствие охотницы.

— Магия Огня — это искусство владения безудержной силой, Айрэн, — негромко произнесла Эленора, и в её голосе потрескивало пламя. — Но сила требует колоссальной ответственности и быстроты разума. Настоящий мастер не просто швыряет пламя. Он подчиняет себе саму суть жара и движения. Посмотрим, насколько хорошо ты чувствуешь ткань этой реальности. Защищайся.

Эленора даже не сделала замаха. Она лишь слегка шевельнула тонкими пальцами правой руки.

В ту же секунду воздух вокруг Айрэн с сухим треском вспыхнул. В пространстве соткались три тонких, гудящих клинка чистого пламени. Они походили на полосы жидкого огня, дрожащие и брызжащие искрами. С тихим шипением эти огненные лезвия устремились к принцессе по сложным, непредсказуемым траекториям.

Айрэн среагировала мгновенно. Она закрыла глаза на долю секунды, мысленно вычисляя координаты безопасной точки на арене, и совершила пространственный скачок. Её фигура на мгновение размылась и с тихим хлопком исчезла, оставив на прежнем месте лишь облако серебристых искр. В то же мгновение она материализовалась в десяти шагах левее.

Но Эленора не дала ей ни секунды на передышку. Воздух над её головой закружился огненной воронкой — ревущим смерчем пламени, готовым обрушиться на неё жгучим вихрем. Айрэн была вынуждена снова совершить скачок, затем ещё один, уклоняясь от веера новых клинков.

Андрей внимательно следил за её движениями с трибуны, и его чутьё, обострённое вчерашней перегрузкой, улавливал каждую деталь их магического противостояния.

Для его чуткого, ищущего согласия ума эта битва звучала как разлаженный оркестр, где каждый инструмент играет вразнобой. Каждый пространственный скачок Айрэн отзывался невероятной тратой сил. Чтобы переместиться всего на несколько шагов, принцесса каждый раз заново вслушивалась во всё окружающее пространство, заново нащупывала верные созвучия перехода, раскрывала и вновь смыкала невидимые врата. Это требовало колоссального

объёма маны и времени на подготовку. Под непрекращающимся градом огня её защита стремительно истощалась. Её серебряная аура тускнела, а дыхание становилось всё более тяжёлым и прерывистым.

«Она тратит слишком много сил на каждый отдельный переход», — подумал Андрей, различая, как внутри него просыпается азарт. — «Это всё равно что каждый раз наводить мост через реку заново, переносить по нему одну вещь и тут же его разрушать. Почему бы не проложить постоянные, надёжные русла? Что, если заранее протянуть несколько скрытых, устойчивых коридоров в пространстве арены, что будут дремать до срока? Ей не придётся тратить время на мучительные поиски пути во время боя. Она сможет просто скользить по этим готовым путям, как по гладкому льду, тратя на перемещение сущие крохи».

Решение созрело мгновенно. Андрей закрыл глаза, сосредоточился на золотых рунах в своих венах и мысленно потянулся к Айрэн.

Найти созвучие с её прохладной, пространственной магией оказалось делом непростым. Её аура ощущалась как тонкий, звенящий лёд, ускользающий сквозь пальцы. Но руны Андари внутри Андрея послушно завибрировали, подстраиваясь под нужную ноту, и между ними протянулась невидимая, серебристая нить глубокого согласия.

Установив связь, Андрей не стал передавать ей ману. Вместо этого он помог её разуму спроецировать и закрепить в пространстве полигона вереницу невидимых, дремлющих коридоров. В его представлении это были защищённые, укрытые от внешнего хаоса пути, связывающие разные точки арены. Они таились прямо под поверхностью обсидиановых плит, надёжно скрытые от чужих глаз.

Айрэн как раз тяжело приземлилась после очередного скачка. Её колени подогнулись, а в глазах на мгновение потемнело от усталости. Эленора, заметив её замешательство, взмахнула рукой, направляя в её сторону сразу пять стремительных огненных клинков, перекрывающих все пути к отступлению.

Принцесса приготовилась выстроить жёсткий щит, понимая, что этот барьер заберёт у неё последние крохи силы. Но внезапно её разум пронзило странное, удивительно чёткое ощущение.

Она вдруг увидела полигон совершенно иначе. Обсидиановые плиты больше не были безжизненным камнем. Вдоль всей арены, переплетаясь и сходясь в узлы, струились невидимые ранее серебряные коридоры. Они были идеально ровными, устойчивыми и манящими. Ей больше не нужно было ничего вычислять, не нужно было тратить драгоценную энергию на разрыв пространства. Пути уже были проложены. Ей оставалось лишь сделать шаг.

Вместо того чтобы возводить щит, Айрэн изящно качнулась вперёд.

Прямо перед летящими в неё огненными клинками Эленоры воздух на долю секунды подёрнулся серебристой дымкой. Одно из укрытых пространственных русел приоткрылось. Первое лезвие пламени, вместо того чтобы ударить принцессу, плавно скользнуло внутрь этого открытого входа, словно вода в водосток. За ним мгновенно последовали и остальные четыре клинка.

Атака Эленоры не просто исчезла — она оказалась заперта внутри созданного Андреем и Айрэн защищённого коридора. Сила огня не рассеялась, а устремилась по серебряному руслу под плитами арены, ведомая чужой волей.

Айрэн интуитивно различила движение этой энергии. На её красивом лице отразилось мгновенное удивление, которое тут же сменилось торжествующей, хищной улыбкой. Она изящно взмахнула рукой, указывая пальцем на самую наставницу Эленору.

На противоположном конце арены, прямо за спиной Эленоры, воздух мгновенно лопнул серебряным цветком. Из открывшегося выхода коридора с оглушительным свистом вырвались те самые пять огненных клинков. Они неслись с прежней скоростью, но теперь их остриё было нацелено в спину своей создательницы.

Эленора почувствовала угрозу в самый последний миг. Её глаза цвета раскалённой меди удивлённо расширились. С поразительной реакцией она совершила стремительный скачок вбок, уходя с линии атаки.

Возвращённые клинки с грохотом врезались в обсидиановые плиты в том месте, где она только что стояла, оставив глубокие рваные борозды и подняв тучи обсидиановой пыли.

На полигоне воцарилась звенящая тишина.

Эленора медленно повернулась к Айрэн. На её прекрасном лице не было злости — только глубокое, искреннее восхищение. Она посмотрела на глубокие борозды в камне, затем на принцессу, чья аура теперь отсвечивала ровным, устойчивым серебром.

— Направить моё собственное пламя сквозь скрытые зеркальные коридоры и вернуть его мне в спину... — тихо произнесла Эленора, качая головой. — Айрэн, это было поистине гениально. Я не испытала начала плетения. Коридоры словно существовали в пространстве заранее, ожидая своего часа. Это... невероятно зрелая и глубокая магия. Ты превзошла все мои ожидания.

Айрэн грациозно поклонилась, стараясь сохранить на лице маску невозмутимого превосходства, хотя её сердце бешено колотилось от восторга.

— Свобода требует нестандартных решений, наставница, — с лёгкой улыбкой ответила она, бросив быстрый, скрытый взгляд на трибуны.

Андрей сидел на скамье, тяжело дыша. Его виски немилосердно ломило, а перед глазами плыли цветные круги. Ему казалось, что его собственные каналы только что пропустили через себя ледяной ураган, но чувство победы перекрывало любую физическую боль. Их невидимые пути работали безупречно. Когда боевое пламя и вспышки заклинаний наконец растворились в воздухе, полигон погрузился в долгожданную, мирную тишину. Спутники без сил опустились на мягкую траву у самого края обсидианового круга. Латкара растянулась во весь рост, подложив под голову мощные руки и с наслаждением подставив лицо ласковым лучам солнца. Вэндель бережно уложил завернутый в ткань молот Торина рядом с собой и устало массировал гудящие плечи. Тарен сидел, обхватив колени руками и глядя на небо умиротворённым взглядом, а Айрэн, несмотря на румянец на щеках, старалась сидеть с безупречной осанкой, изящно оправляя подол платья.

Наставники выстроились перед ними. Суровый мастер Гролл скрестил руки на груди, и на его иссечённом шрамами лице больше не было прежнего недовольства.

— Ну что, сопляки, — пробасил он, и в его голосе послышались тёплые ноты. — Должен признать, сегодня вы превзошли мои ожидания. Вы не просто устояли — вы заставили нас двигаться быстрее. В вашей работе появилось то, чего вам так не хватало вчера: слаженность.

— Ваша магия наконец-то перестала мешать друг другу, — приглушённо добавила леди Кларисса, одарив Тарена и Андрея тёплой улыбкой. — Вы двигались не как соперники, делящие одну кроху силы, а как единое рунное плетение, где каждый узор поддерживает соседний. Это великое достижение для первой настоящей тренировки.

Эленора молча кивнула, её взгляд цвета раскалённой меди на мгновение задержался на Айрэн, выражая безмолвное признание её мастерства в создании зеркальных коридоров.

В этот момент в дальнем конце арены раздались размеренные шаги, и под радужный купол вступил величественный Ректор Нандориал. Древний маг ласково оглядел уставших, но счастливых героев, а затем перевёл взгляд на Андрея, сидевшего чуть поодаль на трибуне.

— Вы отлично потрудились, мои юные друзья, — тихо произнёс Ректор. — Вашим телам и разуму нужен отдых. Возвращайтесь в таверну Теодора, восстановите силы перед вечерними занятиями. Но тебя, Андрей... я попрошу ненадолго задержаться. Нам нужно поговорить один на один.

Ребята удивлённо переглянулись, но спорить не стали. Латкара тяжело поднялась на ноги, ободряюще хлопнула Андрея по плечу так, что у того едва не подогнулись колени, и подмиг-

нула. Вэндель и Тарен пожелали ему удачи, а Айрэн скользнула мимо, оставив после себя лёгкий аромат прохлады и едва заметный, благодарный кивок.

Вскоре огромный обсидиановый полигон опустел. Андрей спустился со скамьи трибуны и пошёл к центру арены, где его ждал Ректор. Наставники Гролл, Кларисса и Эленора уже покинули полигон, оставив их наедине под сияющим радужным куполом Академии.

— Ты выглядишь истощённым, Андрей, — нежно произнёс Нандориал, неспешно шагая рядом с ним. — Твои каналы горят от непривычного напряжения. Но то, что ты сделал сегодня... как ты направлял ярость Латкары, выстраивал фоновое исцеление для Тарена и помогал Айрэн чертить пространственные пути — это невероятно. Ты стал тем самым связующим звеном, которого Андари не хватало веками.

— Я просто старался помочь им не сгореть, господин Ректор, — честно ответил Андрей, потирая ноющие виски. — С высоты трибун мне было очень хорошо видно, насколько неравномерно течёт их энергия. Это было похоже на расстроенный оркестр, где каждый пытается играть свою мелодию, заглушая соседа. Я лишь попытался найти для них общее созвучие, настроить их потоки на одну гармоничную ноту. Нандориал понимающе кивнул, его глаза мерцали мудростью веков.

— И ты справился с этим безупречно. Твой разум устроен удивительным образом: ты видишь в магии строгую систему законов, связей и правил там, где другие видят лишь хаос стихий. Но то, что ты делал до сих пор — это лишь половина твоих возможностей, Андрей. Быть невидимой опорой, поддержкой для чужой силы — великий дар. Но ты не должен ограничиваться лишь передачей чужой энергии. Ты должен научиться создавать её сам.

Андрей удивлённо поднял глаза на древнего мага.

— Но как? У меня ведь нет собственного стихийного ядра. Внутри меня пусто, нет ни капли Огня, Земли или Пространства. Я лишь проводник, через которого течёт чужая сила.

— Проводник... хм, ты слишком принижаешь себя, — Нандориал слегка улыбнулся. — Но ты ошибаешься. Твои новые рунные каналы, подаренные тебе самой Академией во время перегрузки, не просто пропускают энергию. Они способны запоминать её узор. Если ты можешь настраиваться на созвучия своих друзей, значит, твоя душа способна в точности воспроизводить эти напевы. Тебе не нужно стихийное ядро, чтобы сотворить искру. Тебе нужно лишь вспомнить созвучие.

Ректор указал рукой на обсидиановые плиты под их ногами.

— Внимательно вслушайся в пространство вокруг себя, Андрей. Бой закончился, но магия не исчезает бесследно. Её отголоски всё ещё витают в воздухе, подобно едва уловимому аромату или затихающему эху. Закрой глаза. Найди остатки силы, которую только что использовал Тарен.

Андрей послушно закрыл глаза и сделал глубокий, медленный вдох. Поначалу он не чувствовал ничего, кроме прохладного утреннего ветра и запаха гари от обсидиановых плит. Но затем он сосредоточился на своей внутренней золотистой рунической вязи. Он заставил свои мысли замолчать, отпуская все тревоги, и просто прислушался к окружающему миру.

И вскоре он это уловил.

Воздух вокруг него не был пустым. Он был наполнен крошечными, невидимыми глазу вибрациями. После тренировки Тарена на полигоне всё ещё витал тонкий, едва уловимый, удивительно сладкий аромат свежескошенной травы и утренней росы. Это было тихое эхо магии Жизни и Света. Оно пульсировало очень мягко, тепло и ритмично, словно затихающие удары далёкого колокола.

«Я чувствую этот ритм», — мысленно произнёс Андрей. В его восприятии этот остаточный след звучал как затихающая мелодия, всё ещё дрожащая на одной чистой ноте. — «Это ясная, созидательная песнь магии Жизни. И я могу повторить её напев».

Андрей сосредоточился на своих золотых рунных каналах. Он не стал прибегать к сложным построениям, а просто попытался заставить свою собственную ману внутри вен звучать в том же самом приглушённом, тёплом ритме. Он словно напевал про себя мелодию, которую только что услышал, стараясь в точности повторить каждый изгиб звука.

Поначалу его каналы сопротивлялись. Собственная энергия Андрея, непривычная к самостоятельному движению, текла тяжело и неповоротливо. Но золотые руны Андари на стенках проводников вдруг начали медленно смещаться, перестраиваясь и выстраивая внутри его рук новый, незнакомый узор. Это было то самое кольцо исцеления, которое они недавно создавали вместе с Тареном, но теперь Андрей выстраивал его самостоятельно, внутри собственной души.

Он различил, как в его плече зародилась крошечная тёплая искорка. Она медленно покатилась вниз по руке, даря приятное, щекочущее тепло. Импульс прошёл сквозь предплечье, скользнул к запястью и устремился к кончикам пальцев правой руки.

— Теперь открой глаза и отпусти её, — тихо, из самого сердца тишины, прозвучал голос Нандориала.

Андрей разомкнул веки и посмотрел на свою поднятую ладонь.

На самом кончике его указательного пальца, прямо в воздухе, с тихим, мелодичным звоном вспыхнула крошечная золотистая искра. Она была не больше капли росы, но светилась невероятно чистым, глубоким и ровным светом. От неё веяло удивительным теплом, умиротворением и запахом весеннего леса. Она не гасла, послушная ритму его дыхания, а золотые руны на его руке мерцали в идеальном созвучии с этим крошечным золотистым огоньком.

Это была его собственная магия. Первая его собственная, самостоятельно рождённая искра.

Андрей смотрел на золотистую капельку на своём пальце, и в его груди поднималась волна неопишемого, детского восторга. Он больше не был просто безвольным проводником чужих сил, послушной частью в сложном замысле Академии. Он мог созидать. Он мог учиться.

— У тебя получилось, Андрей, — в голосе Ректора послышалась глубокая, искренняя гордость. Он смотрел на золотистую искру с благоговением. — Ты не просто направил чужую ману. Твоя душа запомнила узор магии Жизни и воспроизвела его самостоятельно. Ты сделал первый, самый важный шаг на своём истинном пути. Впереди у нас много работы, тебе придётся повторить этот процесс с Огнём, Землёй и Пространством. Но сегодня... сегодня ты доказал, что Андария выбрала тебя не напрасно.

Андрей тихо дунул на свой палец, и золотая искра растворилась в воздухе облачком тёплых золотистых искорок. Напряжение в его каналах наконец улеглось, сменившись глубоким, приятным чувством покоя. Он улыбнулся древнему магу, чувствуя, как внутри него крепнет уверенность в собственных силах. Его новый дар выдержал своё первое испытание.

Вечер опустился на Академию незаметно, укрыв древние стены бархатистым покрывалом сумерек. Под куполом зажглись первые созвездия, переливаясь тихим сапфировым светом.

В обеденном зале таверны Теодора было необычайно тепло и уютно. В огромном каменном очаге весело потрескивали берёзовые поленья, наполняя воздух сладковатым запахом дыма и смолы. На тяжёлом дубовом столе высились пустые глиняные тарелки — Теодор превзошёл сам себя, приготовив для уставших героев наваристую грибную похлёбку со свежеспечённым хлебом. Хозяин таверны, тихо напевая под нос какую-то старинную балладу, неторопливо протирает кружки за стойкой, стараясь не нарушать покой своих гостей.

Андрей сидел в глубоком кресле у самого огня, вытянув ноги к спасительному теплу. Тело до сих пор приятно гудело от перенесённого истощения, но в голове царила непривычная, звенящая ясность. Он задумчиво смотрел на свою правую ладонь.

С лёгким, едва слышным шелестом прямо над его указательным пальцем снова вспыхнула крошечная золотистая искра. Андрей прикрыл глаза, бережно вслушиваясь в её тихое, тёплое дыхание. Ему больше не нужно было прилагать титанических усилий, чтобы удержать её. Он улавливал, как его собственные рунные каналы ласково обнимают этот огонёк, поддерживая его пульсацию ровным, нежным полем его собственной жизненной силы.

«Я могу чувствовать их даже с закрытыми глазами», — подумал Андрей, обращая свой мысленный взор на друзей, сидевших вокруг стола.

С удивлением он обнаружил, что его восприятие изменилось. Теперь, когда его собственный дар пробудился, его сознание научилось улавливать созвучие окружающего мира. Стоило ему сосредоточиться, как перед его внутренним взором начали проступать мягкие, полупрозрачные очертания их аур. Это было похоже на изящный, мерцающий узор, парящий в воздухе сознания.

Андрей мысленно скользнул по фигурам друзей, считывая их состояние. Возле Латкары колыхался плотный, ровный изумрудный ореол — её внутренняя сила полностью успокоилась, а микроскопические трещинки в проводящих путях, оставшиеся после тренировки Гролла, затянулись чистой энергией Земли. Тарен был окружён приглушённым, золотистым сиянием, в котором ритмично пульсировали тёплые золотые искорки — запущенное ими круговое плетение исцеления продолжало тихо и пассивно струиться вдоль его тела, бережно восстанавливая силы. Серебристая аура Айрэн мерцала ровно и глубоко, её пространственные коридоры вернулись в спящее состояние, готовые раскрыться по первому зову. Даже Вэндель, хоть и не участвовал сегодня в активных спаррингах, мерцал ласковым, устойчивым оранжевым светом, в котором сквозила тяжёлая, надёжная мощь металла.

Для Андрея эта картина выглядела невероятно красивой и правильной. Все голоса их сложной группы наконец-то слились в единое, гармоничное созвучие. Никаких сбоев, никаких перегрузок — единый, идеально настроенный оркестр.

— Эй, Андрей, — негромкий, хриловатый голос Латкары заставил его открыть глаза.

Орчанка сидела на скамье у камина, лениво вытягивая свои длинные ноги в тяжёлых сапогах. На её плечах больше не было ни следа утренней усталости — она выглядела довольной и расслабленной.

— Ты весь день сидишь с таким лицом, словно пытаешься решить загадку создания мира, — ухмыльнулась она, обнажая клыки. — Расслабься. Мы выжили после первой взбучки наставников. Мой старик Гролл, конечно, дерётся как бешеная скала, но сегодня мы показали ему, что нас так просто не расколоть.

— Это благодаря Андрею, — тихо произнёс Тарен, отпивая из глиняного кубка тёплый травяной взвар. Принц посмотрел на Андрея с глубокой, искренней благодарностью. — Если бы ты не помог мне настроить это круговое плетение... Кларисса выжала бы из меня все силы ещё на первом круге. Я до сих пор чувствую, как магия Жизни сама затягивает малейшую усталость в мышцах. Это поразительное ощущение свободы.

— О, наш благородный принц наконец-то научился бегать, не путаясь в собственных ногах, — изящно поддела его Айрэн, сидевшая на противоположном конце стола. Эльфийка неторопливо расчёсывала свои длинные серебряные волосы костяным гребнем. Но на её губах играла непривычно нежная, тёплая улыбка. — Хотя должна признать... те серебряные коридоры под плитами полигона — это было красиво. Эленора до сих пор, наверное, пытается понять, как я умудрилась выбросить её же пламя ей в спину.

Вэндель, бережно полировавший приглушённой тряпочкой рукоять молота Торина, довольно кряхтел, устроившись в углу.

— Да уж, эти суровые наставники знатно разинули рты! — весело рассмеялся гном. — Наш отряд ещё покажет этой Академии, на что мы способны. Молот Торина очистит Запретный город, вот увидите. Мы вернём моему народу их дом.

Андрей смотрел на них, слушал их беззлобные препирательства, смех и шутки, и улавливал, как внутри него разливается тепло, не имеющее никакого отношения к камину или магии.

Они прибыли в этот мир из совершенно разных мест, пройдя через боль, преследования, страх и одиночество. Но здесь, под радужным куполом Андари, они обрели не просто убежище. Они обрели настоящую семью. И пускай впереди их ждали суровые тренировки, жесткие спарринги без пощады и смертельная битва с тёмными силами некромантов Запретного города — Андрей точно знал: они справятся. С такой командой он был готов переписать любые законы этого мира.

— Слышали Ректора Нандориала? — Андрей улыбнулся, мягко гася золотистую искру на своём пальце и поднимая кружку с яблочным взваром. — Время мирных дней подошло к концу. Завтра нас ждёт новый день, новые тренировки и ещё больше синяков. Но сегодня... сегодня мы заслужили этот покой. За Андарию. И за нас.

— За нас! — дружно подхватили ребята.

Глава 3. Запретные Архивы

Хрустальная, прохладная тишина окутала Академию Андари в этот ранний час. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь огромный радужный купол, плавно ложились на древние обсидиановые плиты полигона, окрашивая их в нежные лазурные и золотистые тона. Воздух был чистым, умытым ночной росой, и дышал легким ароматом горной свежести.

Андрей сидел на самой верхней скамье каменных трибун, поджав ноги и подставив лицо первому утреннему теплу. На полигоне не было никого — друзья еще спали в таверне Теодора после вчерашней изнурительной тренировки, и это уединение казалось Андрею бесценным даром. Он глубоко вздохнул, медленно выдохнул и поднял перед собой правую руку.

На золотистых рунных каналах, проступавших сквозь кожу его предплечья, затеплилось мягкое сияние. Андрей не стал торопиться. Он закрыл глаза, прислушиваясь к внутреннему ритму своей магии, и мысленно воспроизвел тот нежный, умиротворяющий настрой, который вчера помог ему сотворить первую искру магии Жизни. Он заставил свою ману течь плавно и неторопливо, словно лесной ручей, огибающий гладкие камни.

Секунда — и на самом кончике его указательного пальца с тихим, мелодичным звоном распустился крошечный изумрудный огонек.

Андрей открыл глаза и улыбнулся. Искра была крошечной, не больше капли росы, но она отсвечивала удивительно чистым и ровным светом. От неё исходило приятное, живое тепло, пахнущее весенней травой и молодой хвоей. На этот раз его вены не горели от нестерпимой боли, а золотые руны на коже не пытались выжечь плоть. Каналы постепенно привыкали к самостоятельному движению силы, адаптируясь к нежной частоте магии Жизни.

Он держал искру несколько минут, любясь её ровным пульсом, а затем мягко подул на палец. Изумрудный огонек сорвался со своей нити и растаял в утреннем воздухе облачком золотистой пыли. Андрей удовлетворенно потянулся. Первый шаг был сделан, но он прекрасно помнил слова Ректора Нандориала: впереди его ждало укрощение яростного Огня, тяжелой Земли и неуловимого Пространства.

Тишину полигона внезапно нарушил глухой, ритмичный металлический стук, доносившийся со стороны восточного крыла Академии. Этот звук — тяжелый, уверенный и раскатистый — эхом отдавался от полуразрушенных стен древних строений. Андрей прислушался. Стук повторялся через равные промежутки времени, сопровождаемый тихим, утробным шипением остывающего металла.

«Вэндель», — мгновенно догадался Андрей.

Он поднялся со скамьи и направился на звук, обходя величественные колонны центральной площади. Дорога привела его к заброшенным мастерским Академии — приземистому зданию из тяжелого серого камня, чья крыша давно обвалилась, открывая вид на небо, но мощные стены всё еще крепко держали удар времени. Из узких стрельчатых окон мастерской валила густая струя серого угольного дыма, а в воздухе отчетливо пахло серой, каленым железом и древесным углем.

Андрей осторожно заглянул внутрь сквозь полуоткрытую дубовую дверь, обитую потемневшими от сырости медными полосами.

Внутри царил полумрак, разрываемый лишь багровым, яростным сиянием кузнечного горна. Вэндель оборудовал себе временную кузницу прямо посреди заброшенного зала. Гном стоял у тяжелой наковальни, обнаженный по пояс, в широком фартуке из грубой дубленой кожи, почерневшем от сажи и искр. Его мощные, узловатые руки были покрыты слоем угольной пыли, а в густой бороде застряло несколько мелких опилок. С его широкого лба крупными каплями катился пот, но взгляд оставался предельно сосредоточенным.

Рядом с наковальней, бережно уложенный на приглушённую ткань, покоился молот Торина — легендарное наследие его предков. Его обсидиановое оголовье тускло мерцало глубоким оранжевым светом, словно внутри камня дремало затихающее извержение вулкана.

Вэндель держал тяжелыми клещами небольшую круглую медную пластину, раскаленную добела. С каждым ударом его тяжелого молота из-под бойка разлетался сноп ярких, золотых искр, с шипением гаснувших на грязном каменном полу. Но гном не просто придавал металлу форму — Андрей видел, как с каждым ударом Вэндель шептал старинные рунные заклинания своего народа. Молот Торина отзывался на этот шепот, делясь своей древней силой Металла, которая тончайшими оранжевыми струйками перетекала в раскаленную медь.

— Нелегкая это работа, а? — негромко произнес Андрей, чтобы не испугать друга в момент удара.

Вэндель вздрогнул, но молот не опустил, завершив точный, выверенный удар по краю пластины. Только после этого он повернул к Андрею свое широкое, испачканное сажей лицо и устало улыбнулся, вытирая лоб тыльной стороной ладони.

— А, Андрей! Заходи, заходи, коли не боишься дымом пропахнуть, — пробасил гном, опуская раскаленную заготовку на наковальню. — Да вот, решил утренние часы с пользой провести. Мысли покоя не дают после того боя. Когда мы сражались с чудищами в Запретном городе, я понял одну простую вещь. Молот моих предков — великое оружие, но его сила слишком тяжела и неповоротлива. Да и защитить им всех вас сразу я не всегда успеваю.

Гном бережно приподнял клещами остывающую медную пластинку. На её шероховатой поверхности проступал сложный, закрученный спиралью рунный узор, изображающий стилизованный щит и гору. Но узор выглядел неровным — в некоторых местах рунные линии казались слишком тонкими, а оранжевое мерцание внутри них пульсировало прерывисто и слабо.

— Мой замысел прост, — вздохнул Вэндель, вешая клещи на край горна. — Я хочу перенести защитное эхо молота Торина на эти маленькие медные пластинки. Сделать из них амулеты для каждого из нас. Чтобы в случае опасности, даже если я буду далеко, этот защитный барьер уберет вас от смертельного удара. Но медь — металл капризный, мягкий. Он не хочет держать в себе тяжелую, неповоротливую силу металла. Стоит мне отвлечься хоть на мгновение во время чеканки, как руна ломается, и магия уходит в пустоту. Уже пять заготовок испортил, а толку чуть.

Андрей подошел ближе к наковальне, внимательно рассматривая испорченные медные кругляши, сиротливо лежавшие в углу. На каждом из них рунный узор был оборван или деформирован. Внутри него снова проснулось то самое привычное чувство логического поиска уязвимости, которое всегда помогало ему на Земле. Но теперь это было не холодное ремесло инженера — это было чистое созерцание структуры магии.

Андрей подошел ближе к наковальне, на которой лежали несколько испорченных медных заготовок. Он аккуратно взял одну из них в руку. Металл уже остыл, а выбитый на нем рунный знак щита выглядел рваным и безжизненным. Вэндель устало присел на тяжелый деревянный чурбак, служивший ему сиденьем, и положил руки на колени. Его широкие плечи поникли.

— Я трачу слишком много сил на каждую деталь, — вздохнул гном, качая головой. — Чтобы руна Металла удержалась в бархатистой меди, её узор нужно прочеканить единым, непрерывным движением, без малейшей заминки. Одно лишнее усилие, один неверный удар молота — и хрупкая структура магии рассыпается, уходя в пустоту. Это выматывает сильнее, чем целый день махания боевым топором в шахтах.

Андрей задумчиво вертел в руках испорченный медный кругляш, проводя пальцем по деформированным канавкам. В его памяти невольно всплыли воспоминания о прежней жизни на Земле. Там, в суматошном мире технологий, люди давно поняли, что ручной труд хорош лишь до определенного предела. Никто не создавал сложные, повторяющиеся элементы с нуля каждый раз. Если нужно было выполнить монотонную работу быстро и без ошибок, всегда

создавали единый шаблон, надежное и выверенное лекало, по которому затем штамповали идеальные копии. Это экономило силы, время и полностью исключало влияние человеческих промахов.

«Зачем изобретать колесо при каждой чеканке?» — подумал Андрей. — «Почему бы не создать постоянную основу?»

Он поднял взгляд на уставшего друга.

— Вэндель, послушай. Ты каждый раз пытаешься вырезать этот сложный узор заново, удерживая его форму в голове и наводя силу через каждый удар кузнечного молота. Но твоя наковальня — это монолит. Что, если мы не будем рисовать руны вручную на каждой пластине? Что, если мы создадим постоянный, невидимый силовой слепок — форму узора — прямо здесь, на поверхности наковальни?

Гном нахмурился, его густые брови сошлись на переносице.

— Силовой слепок? Это как?

— Мы снимем идеальный отпечаток защитного узора с твоего Молота, — терпеливо объяснил Андрей. — С помощью моей силы мы закрепим этот энергетический узор прямо на стали наковальни, превратив его в спящую форму. А когда ты положишь сверху раскаленный медный диск, тебе понадобится сделать всего один сильный, точный удар обычным молотом. Этот удар послужит прессом — он мгновенно вдавит раскаленный металл в подготовленную силовую форму, запечатав руны за долю секунды.

Вэндель ошеломленно воззрился на него. Его густая борода забавным образом оттопырилась, а глаза расширились.

— Создать духовное лекало прямо на наковальне?.. — медленно произнес он, перебирая услышанное. — Но для этого нужно удерживать два совершенно разных потока силы одновременно: один должен фиксировать геометрию узора в воздухе, а второй — связывать эту форму со сталью. Мой разум просто разорвется от такой концентрации, Андрей! Гномы не умеют ткать столь тонкие плетения.

— Тебе и не придется делать это в одиночку, — улыбнулся Андрей, подступая ближе. — Для этого у тебя есть я. Я возьму на себя фиксацию узора и удержание его границ. Твоя задача — просто поделиться чистой силой Металла из Молота. Ну что, попробуем?

Вэндель решительно хлопнул себя по коленям и поднялся. В его глазах загорелся азарт настоящего мастера, который никогда не боялся трудных задач.

— Клянусь глубинами гор, Андрей, если у нас это получится... это перевернет всё наше кузнечное ремесло! Давай сделаем это.

Андрей глубоко вздохнул, закрыл глаза и сосредоточился на золотистом кружеве в своих венах. Его сила послушно отозвалась, заструившись по каналам мягкой, ласковой волной. Он протянул руку к молоту Торина, мысленно настраиваясь на тяжелую, могучую частоту древнего оружия.

Это ощущение разительно отличалось от магии Жизни Тарена. Магия Металла ощущалась как древний, неторопливый гул глубоких подземных пещер, как несокрушимая, вековая тяжесть горных хребтов. Андрей бережно коснулся этой силы своей магией, и между ним и Вэнделем протянулась невидимая, теплая янтарно-оранжевая нить глубокой связи.

Установив контакт, Андрей помог Вэнделю извлечь чистейший, идеальный отпечаток защитной руны из Молота. Андрей взял на себя самую сложную часть — удержание геометрии. Он спроецировал форму руны на холодную сталь наковальни. Золотые руны Андари внутри его собственных каналов сияли ровным светом, помогая зафиксировать узор в пространстве, не позволяя ему дрожать или распадаться.

— Теперь, Вэндель, направь свою силу в наковальню. Замкни узор на камне, — тихо произнес Андрей, сдерживая нарастающее напряжение в висках.

Гном закрыл глаза и коснулся наковальни своей широкой ладонью. Поток плотной оранжево-бронзовой энергии Металла устремился по его руке. Подчиняясь направляющей воле Андрея, эта сила начала аккуратно заполнять созданные невидимые контуры. Металл наковальни тихо, утробно загудел.

Через мгновение на гладкой стальной поверхности проступил красивый, мерцающий янтарным светом рунный узор. Он пульсировал тихо и ровно, надежно зафиксированный совместной волей человека и гнома. Силовой слепок был создан и переведён в спящее состояние.

Вэндель тяжело выдохнул и вытер пот со лба, восторженно глядя на светящуюся сталь.

— Невероятно... Она держится! Она не гаснет! — прошептал он. — Ну-ка, давай проверим её в деле!

Гном быстро схватил длинными клещами новую медную пластину, раскалил её в багровом горне докрасна и бережно уложил на наковальню, прямо поверх мерцающей янтарной руны.

— А теперь — один сильный удар, друг мой! — крикнул Андрей, удерживая мысленную связь.

Вэндель широко замахнулся своим кузнечным молотом и с оглушительным звоном обрушил его на раскаленную медь.

Раздался шипящий звук, сопровождаемый короткой, яркой вспышкой оранжевого света. Андрей испытал легкую, гаснущую отдачу в своих каналах — спящая на наковальне рунная форма мгновенно и без остатка впечаталась в структуру меди, заполнив её своей защитной силой.

Вэндель быстро поднял пластину клещами и опустил её в бочку с водой. Раздалось громкое шипение, поднялось облако белого пара. Когда пар рассеялся, гном достал готовый амулет.

Медная пластина выглядела безупречно. На её гладкой поверхности красовался идеально ровный, глубокий узор руны щита, который больше не тускнел. Из самого сердца меди струилось ровное, мягкое и глубокое янтарное свечение — знак того, что магия Металла надежно запечатана внутри и готова защитить своего владельца.

— Клянусь предками... — благоговейно прошептал Вэндель, бережно проводя пальцем по идеальным контурам амулета. — Андрей, это... это шедевр! На создание такого амулета вручную у меня ушел бы целый день, и я выжал бы себя до капли. А тут — один удар! И узор идеален!

— Наша рунная форма работает, — улыбнулся Андрей, чувствуя, как приятное тепло разливается по его собственным уставшим каналам. — Давай сделаем еще четыре. Нам нужен защитный комплект для каждого из нас перед будущим походом.

Вэндель с энтузиазмом закивал, хватаясь за новые медные заготовки. С использованием готового лекала работа пошла с поразительной скоростью. Уже через полчаса на наковальне остывали пять абсолютно одинаковых, идеально сбалансированных медных амулетов, каждый из которых тихо пульсировал ровной защитной силой Металла.

Первый шаг по модернизации их общего снаряжения был успешно завершен, и в сердцах героев крепла уверенность в том, что вместе они способны преодолеть любые преграды.

Поздний вечер укутал таверну Теодора густыми, тяжелыми тенями. За окнами шумел холодный горный ветер, безнадежно бьющийся в толстые оконные стекла, но внутри, у огромного камина, царил блаженный покой. Очаг полыхал ровным золотистым пламенем, отбрасывая причудливые блики на темные бревенчатые стены и дубовые столы.

Ребята собрались вокруг самого большого стола, уставленного кружками с горячим яблочным взваром и блюдами со свежим сыром. Вэндель с гордостью выложил на деревянную столешницу пять медных амулетов, созданных им утренней порой. На гладком, розоватом металле каждой пластины мерцал изящный, глубоко врезаемый рунный знак щита.

— Ну вот, — довольно пробасил гном, потирая мозолистые ладони. — Каждому по защите. Андрей помог мне закрепить на наковальне идеальную форму, так что теперь эти амулеты дышат чистой силой гор. Латкара, держи свой. Твоему бешеному стилю боя хороший щит никогда не повредит.

Орчанка аккуратно взяла медный кругляш, удивленно разглядывая безупречные рунные линии. Её изумрудные пальцы бережно коснулись нежного металла, и амулет отозвался мягким янтарным заревом, мгновенно признавая её силу.

— Клянусь духами предков, Вэндель, — тихо произнесла Латкара, и на её суровом лице появилось редкое выражение уважения. — Работа идеальна. Руна вырезана настолько глубоко и чисто, словно её чеканил сам мастер-хранитель нашего племени. От нее веет настоящей силой металла. Спасибо.

Тарен и Айрэн тоже приняли свои амулеты. Эльфийка приподняла медную пластину за цепочку, подставив её свету камина. Серебряный блеск её глаз отразился в ласковой меди.

— Это действительно выдающееся мастерство, Вэндель, — мягко проговорила Айрэн. — Сила внутри металла не сопротивляется, она спит и ждет своего часа, готовая раскрыться плотным барьером при первом ударе. Теперь я чувствую себя гораздо увереннее перед нашей будущей экспедицией.

— Экспедиция... — Тарен задумчиво опустил кружку на стол, и его лицо мгновенно посерьезнело. — Мы все чувствуем, что готовы. Но вчерашний разговор с Ректором не выходит у меня из головы. Мы собираемся спуститься в Запретный город — древний, огромный подземный мегаполис, который веками был во власти Личей и Некроманта Запретного города. Это не просто спарринг на полигоне. Там нас ждут настоящие личи, слуги смерти и ловушки древних.

— Принц прав, — хмуро буркнул Вэндель, его веселье мгновенно улетучилось. — Шахты под Запретным городом — это бесконечный, запутанный лабиринт. Мой народ строил его веками, пробивая проходы в самом сердце скал. Там сотни ярусов, заброшенных штреков и потайных галерей. У меня сохранился лишь старый план дворца короля Аргуса, но он охватывает лишь верхние залы. Чтобы пройти весь стоуровневый мегаполис, нам нужен полный кадастровый атлас. Без точной карты мы либо заплутаем в темноте и погибнем от голода, либо наткнемся на засаду мертвецов в первом же тупике. А наши мастера-призраки... они не станут помогать нам картами. Это часть нашего испытания.

За столом воцарилось тяжелое, давящее молчание. Каждый понимал, что гном говорит чистую правду. Лезть в подземное царство вслепую было безумием, граничащим с самоубийством.

Андрей перевел взгляд с камина на друзей. В его мыслях не было никаких земных терминов — только чистое, логическое понимание того, что любая задача требует подготовки и точных сведений.

— Должен же быть способ найти эти карты, — негромко произнес Андрей, нарушая тишину. — Не может быть, чтобы в самой Академии, где веками обучали лучших навигаторов и исследователей миров, не осталось планов этих подземелий.

Айрэн медленно опустила свой амулет на стол. Её серебряные глаза таинственно блеснули в полумраке таверны.

— Такой способ есть, — тихо, заговорщическим шепотом произнесла эльфийка. — Вчера, когда я изучала старинные хроники в библиотеке, я наткнулась на упоминание о закрытом восточном крыле Академии. Там, за запечатанными воротами, находится легендарный Архив Навигаторов.

— Архив Навигаторов? — переспросил Тарен, подавшись вперед.

— Да, — кивнула Айрэн, её голос звучал заворуженно. — В древние времена, до падения Академии, там собирались лучшие картографы и исследователи сопредельных миров. Они

веками составляли звездные атласы и точнейшие карты подземных глубин всех миров Андари. Там совершенно точно есть детальные чертежи шахт и нижних ярусов Запретного города.

— Звучит красиво, длинноухая, — покачала головой Латкара, скрестив руки на груди. — Но ты сама сказала: это крыло закрыто и запечатано. Ректорат не просто так повесил туда замки. Наверняка там стоят такие охранные чары, от которых мы и пепла не оставим, если попробуем сунуться.

— Чары там действительно древние и грозные, — согласилась Айрэн. — Но это наш единственный шанс. Если мы проберемся туда ночью, тайно от мастеров...

— Вы с ума сошли! — прошептал Тарен, испуганно оглядываясь на стойку, где Теодор как раз закончил протирать стаканы и скрылся на кухне. — Это же прямое нарушение правил Академии! Если Ректор или Гролл поймут нас ночью в закрытом крыле, нас просто вышлют отсюда! Или, чего доброго, мастера-призраки сокрушат нас на месте.

— Никто нас не поймает, если мы будем действовать тихо, — твердо произнес Вэндель, его глаза загорелись упрямым гномьим огнем. — Ради спасения моего дома и очищения города я готов рискнуть. Без карт мы там трупы, Тарен. Так какая разница — выгонят нас отсюда или прикончат в темной шахте? Андрей, ты что думаешь?

Все взгляды мгновенно скрестились на Андрее. Он сидел молча, взвешивая все за и против. Логика подсказывала, что риск огромен, но цена поражения в подземном городе была неизмеримо выше. Карты были ключом к выживанию всей его новой семьи.

— Мы пойдем туда сегодня ночью, — спокойно и уверенно ответил Андрей, глядя друзьям в глаза. — Но мы не будем ломать двери силой. Мы проберемся туда тихо, заберем нужные свитки и вернемся до рассвета. Ждем полуночи, когда купол Академии погрузится в глубокий сон. Готовьте плащи и гасите свечи. Наша вылазка начнется через два часа.

Ребята переглянулись. Страх перед древней защитой уступил место решимости. Отряд принял своё первое самостоятельное, опасное решение, сплотившее их сильнее любых тренировок.

Полночь опустилась на Академию Андари, принеся с собой густую, бархатную темноту. Радужный купол над замком почти полностью угас, лишь изредка переливаясь едва заметными, глухими синими и фиолетовыми всполохами, словно убаюканный ночным покоем.

Пять темных силуэтов, укутанных в тяжелые дорожные плащи, бесшумно выскользнули из дверей таверны Теодора. Впереди, уверенно держа деревянный посох Клариссы, двигался Тарен. За ним, стараясь ступать как можно тише, шла Латкара, чье тяжелое дыхание выдавало легкое волнение. Вэндель то и дело придерживал рукой висящую на поясе сумку с инструментами, чтобы та не издавала лишнего звука, а Айрэн скользила позади всех, словно серебристая тень, растворяющаяся в ночном сумраке. Андрей замыкал шествие, внимательно вглядываясь в окружающую темноту.

Они миновали безмолвную центральную площадь и свернули в восточную галерею. Здесь, в закрытом крыле Академии, время словно остановилось веками назад. Высокие стрельчатые арки были покрыты вековой пылью, а сквозь узкие готические окна лился холодный, призрачный свет полной луны, прочерчивая на обсидиановом полу длинные, серебряные полосы. На стенах висели пустые рамы от старинных портретов, а из углов веяло сыростью и забытыми тайнами.

Вскоре коридор уперся в тупик, где высились массивные, величественные ворота из монолитного обсидиана. Они казались частью самой скалы, настолько тяжелыми и непреступными были их створки. Поверхность камня была абсолютно гладкой, лишенной каких-либо украшений, за исключением одного — в самом центре ворот, на стыке створок, выделялся сложный, круглый замок, покрытый сетью глубоко вырезанных рунных символов. В этот момент эти символы спали, оставаясь тусклыми и безжизненными.

— Мы на месте, — едва слышным шепотом произнесла Айрэн, указывая на обсидиановые ворота. — Это и есть вход в Архив Навигаторов. За этими дверями скрыты величайшие тайны картографов Андари.

— Выглядит чертовски мрачно, — тихо проворчала Латкара, поправляя плащ. — И как мы их откроем? Здесь нет ни ручки, ни обычной замочной скважины. Только эти странные закорючки на камне.

— Это руны запираения высшего порядка, — хмуро пробасил Вэндель, подбираясь ближе и вглядываясь в узор. — Мой народ веками работал со строительными камнями, но такие контуры... Это работа древних эльфийских мастеров Ректората. Здесь сокрыта колоссальная сила. Погодите, я попробую нащупать стык плит. Мой кузнечный молот улавливает слабые места в камне.

Гном протянул свою широкую, мозолистую руку к круглому замку в центре ворот. Но стоило его пальцам приблизиться к обсидиану на расстояние пары дюймов, как тишина коридора была мгновенно разорвана.

Спавшие до этого руны на воротах резко, агрессивно вспыхнули ядовитым фиолетовым пламенем. Воздух вокруг ворот задрожал, наполнившись сухим, сердитым треском. В ту же секунду из центра замка вырвалась ветвистая фиолетовая молния, с силой ударив Вэнделя прямо в грудь.

Раздался негромкий хлопок. Гнома отбросило назад на три шага, и он тяжело повалился на руки подхватившего его Тарена. Амулет Металла на его шее ярко вспыхнул оранжевым светом, приняв на себя основную силу разряда, но лицо гнома всё равно исказилось от боли, а от его кожаного фартука потянулся легкий сизый дымок.

— Назад! Все назад! — приглушенно крикнул Тарен, загораживая друзей собой.

Фиолетовое пламя на обсидиановых воротах не угасло. Напротив, оно разгоралось всё сильнее, перетекая по рунным линиям, словно жидкий огонь. Замок на воротах начал издавать нарастающий, вибрирующий гул, который эхом отдавался в ушах. Андрей почувствовал, как воздух вокруг них становится тяжелым и наэлектризованным. Его сила мгновенно отозвалась на эту угрозу, заставив золотые вены на его руках мелко задрожать.

— Чары активировались! — испуганно прошептала Айрэн, отступая на шаг. — Система безопасности восприняла нас как чужаков, нарушивших границу. Если этот гул продолжится, он поднимет тревогу по всей Академии! Или, что еще хуже, ворота просто испепелят нас следующим ударом.

— Взломать их силой не получится, — простонал Вэндель, потирая обожженную грудь и поднимаясь на ноги с помощью принца. — Молот тут бессилен. Эта магия слишком плотная, она выстроена как глухая, неприступная стена, которая бьет каждого, кто пытается подойти без разрешения.

Андрей сделал шаг вперед, осторожно обходя друзей. Его взгляд был устремлен на пульсирующий фиолетовый узор. Напряжение в воздухе нарастало, и времени на размышления почти не оставалось. Он понимал, что обычные методы здесь бесполезны. В этой безликой, агрессивной силе древнего замка крылась сложнейшая логическая загадка, и разгадать её мог только он сам.

Фиолетовое пламя продолжало яростно лизать обсидиановые ворота, наполняя темный коридор тревожным, гудящим рокотом. Воздух стал настолько плотным, что дышать сделалось тяжело, а кожа зудела от статического напряжения.

Андрей медленно подошел к ревущему контуру, проигнорировав предостерегающий жест Тарена. Он остановился в паре шагов от ворот, там, где ядовитые фиолетовые искры уже бессильно гасли, натыкаясь на невидимую границу. Андрей закрыл глаза, полностью отсекая внешние звуки — испуганный шепот друзей, треск пламени, завывание ветра за окном. Он обратил свой мысленный взор на золотистую руническую вязь, струящуюся по его венам.

Его чутьё, обострённое опасностью, мгновенно развернуло перед его внутренним взором структуру охранного заклинания. Для системного восприятия Андрея фиолетовый огонь больше не был хаотичной стихией. Это была сложная, строгая геометрическая фигура, состоящая из тысяч переплетенных светящихся нитей. И в самом центре этого плетения, прямо там, где сходились обсидиановые створки ворот, зияла пустая, темная прореха — замочная скважина, ожидавшая своего наполнения.

Андрей начал вглядываться в очертания этой невидимой замочной скважины, пытаясь разгадать форму ключа, который она требовала. Сила ворот не была слепой — она искала строго определенную, чистую и древнюю частоту. Это был уникальный духовный отпечаток древних звездных эльфов-навигаторов, которые когда-то построили этот Архив. Замок словно опрашивал каждого, кто приближался, требуя подтверждения его крови и статуса.

В его голове невольно всплыла простая, но ясная аналогия из его прошлой земной жизни. Там, на Земле, в мире сложных механизмов, даже самые надежные замки подчинялись одному простому правилу логики. Механический цилиндр проверял форму вставленного ключа: каждый его зубец и прорезь должны были в точности совпасть с внутренними штифтами. Если хотя бы один выступ отличался на долю миллиметра, замок оставался заперт. Но если мастер мог в точности воссоздать форму этих зубцов, преграда сдавалась без единого звука.

«Здесь то же самое», — подумал Андрей. — «Этот фиолетовый огонь — просто стражник, проверяющий форму духовного ключа. И у нас есть этот ключ. Но он несовершенен».

Андрей открыл глаза и повернулся к Айрэн. Эльфийская принцесса стояла чуть позади, её серебристые волосы слегка шевелились от наэлектризованного ветра. В её глазах отражалось фиолетовое пламя ворот, смешанное с робкой надеждой.

— Айрэн, подойди ближе, — тихо позвал Андрей. — Мне нужна твоя помощь.

Принцесса без колебаний сделала шаг вперед, встав рядом с ним.

— Что я должна делать, Андрей? — её голос дрожал от напряжения, но взгляд оставался твердым. — Моя магия... я пробовала коснуться ворот, но различаю, что они слишком древние. Моя сила кажется им чужеродной, незрелой.

— Твоя сила — это и есть ключ, Айрэн, — спокойно ответил он, осторожно беря её за тонкие, прохладные ладони. — Но этот замок слишком стар. Он ищет первозданный отклик древних навигаторов, а твоя магия еще молода и не откалибрована под такие стандарты. Твоему ключу просто не хватает нужных выступов и зубцов. Я помогу тебе достроить их. Доверься мне.

Айрэн глубоко вздохнула и послушно прикрыла глаза. Андрей последовал её примеру, полностью концентрируясь на прикосновении их рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.